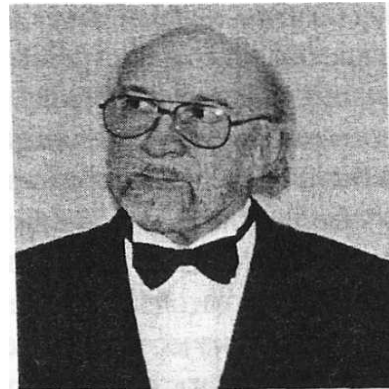

**В. И. Анисимов, профессор кафедры мастерства актера,
заслуженный деятель искусств России**

АЛГЕБРА ГАРМОНИИ

ЗАМЕТКИ РЕЖИССЕРА О ПСИХОЛОГИИ ПОВЕДЕНИЯ

1. ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ЕГО РОЛЬ В ОПРЕДЕЛЕНИИ СОБЫТИЯ

Бесконечно разнообразен окружающий нас мир! И так же удивительно постоянен во всем своем непостижимом многообразии! Как и тысячи лет назад — все то же небо над головой, все та же земная твердь под ногами. И то же солнце, и та же вода, и леса, и горы, и моря, и реки. И Человек посередине мира, царь природы, всесильный, независимый, свободный!..

А так ли это? Ведь при всей кажущейся независимости и свободе он находится в постоянном и теснейшем взаимодействии и с небесной синью, и с земной твердью. В самом деле, человек и двух минут не проживет без воздуха. И еще никому из смертных не удавалось идти по воде яко посуху... Конечно, он может удержаться и на воде, и под водой, может подняться в воздух и даже выйти в космос, но это будет уже неестественная для него среда обитания, и она потребует от него определенных усилий на ее освоение.

Чтобы удержаться на воде, нужно построить лодку или плот, и все же это будет подобие тверди под ногами! И чтобы быть под водой, нужно специальное снаряжение, а для более длительного пребывания — батискаф или подводная лодка со сложнейшими системами жизнеобеспечения. И, чтобы подняться в воздух, как минимум нужен летательный аппарат. Можно преодолеть гибельное болото и глубокий снег, зыбучий песок и безводную пустыню, можно уйти в океанские глубины и одолеть неприступные горные вершины, но для этого нужно вступить в конфликт с обстоятельствами и преодолеть их сопротивление. Сказать точнее, с одним из обстоятельств. Ведь не боремся же мы со всем миром сразу! Мы вступаем в борьбу всякий раз конкретно только с одним из обстоятельств, если даже оно являет собою множество их. Например, спортивная игра, где, выступая в целом против всей команды, всякий раз играешь конкретно против одного игрока. Потому что любое из окружающих нас обстоятельств может стать в какой-то момент решающим для нас: будь то грозное явление природы или острая колючка на тропинке. Пренебрегая простейшими мерами безопасности, можно пострадать от удара молнии или погибнуть под снежной лавиной. А можно беспечно забыть о пустыяковой ране на ноге от простой

колючки и, получив заражение, долго бороться с болезнью, а то и погибнуть. Не будем предрекать худшее, а лучше задумаемся над связью этих, казалось бы, таких далеких друг от друга, обстоятельств.

«Все в мире взаимосвязано» — сказано не нами, и подтверждения этому мы видим постоянно: случайный выстрел **В Горах И** - снежная лавина; грозовая молния и — лесной **пожар**; единственный ядовитый гриб, случайно попавший **В Корзину И** зажаренный вместе с другими неискушенным в **ЛЕСНОМ** промысле горожанином и — печальные последствия **ДЛЯ** всей семьи. Что из этого следует? А то, что человек постоянно находится в пассивном взаимодействии с окружающими его обстоятельствами и в активной взаимосвязи с каким-либо одним из них, имеющим для него в определенный момент наиважнейшее значение. Это обстоятельство на профессиональном языке театра и принято называть *ведущим*. Рассмотрим это на конкретном примере. Грибник забрался в укрытие от внезапно нахлынувшего дождя. «Дождь»—*ведущее предлагаемое обстоятельство*. Ведь именно дождь заставил его изменить свой план — добраться поскорее до электрички, принудил его спастись в укрытии, с тревогой поглядывая на часы: «Еще пять минут — и опоздание неизбежно!». А ливень только разошелся. Но грибник выходит из-под густой пихты, где сухо, как на веранде, и, исхлестанный струями, спешит на последнюю электричку. Стало быть, есть обстоятельство сильнее дождя? Да, «Последняя электричка». Именно она теперь ведущее предлагаемое обстоятельство. И потому грибник, с трудом сохраняя равновесие на скользкой тропе, под дождем торопится к полустанку... Р-раз! — поскользнулся и растянулся в луже, корзина отлетела в сторону, грибы рассыпались!..

И вот уже черт с ней, с электричкой, с дождем, с испачканной одеждой! Успеть на поезд с пустой корзиной? Абсурд! Такая охота, как в этот раз, случается не часто, какие грибы! «Удачная охота!» — еще одно ведущее предлагаемое обстоятельство, взявшее на этот раз верх над остальными. И потому до единого собраны и бережно уложены в корзину грибы; прощально прогудела электричка; кончается дождь; теперь уже не стоит торопиться, теперь верст шесть по шпалам до ближайшего трамвая...

И вдруг гудок! Что это? Еще одна, дополнительно к расписанию?! Так и есть, она уже показалась из-за поворота! Как спринтер на дистанции грибник несется по утрамбованному железнодорожному полотну навстречу надежде. Значит, опять изменилось обстоятельство? Разумеется, «Дачный поезд». А как же не измениться, если вместо долгой ходьбы по шпалам через полчаса он будет дома! А сколько раз еще поменяется для него ведущее предлагаемое обстоятельство!? И всякий раз он будет находиться под его воздействием и будет вынужден на него реагировать. Можно предположить, что уже через несколько минут у него, уже находящегося в вагоне электрички, появится новый враг — «Холод». Мокрая одежда, сквозняк, озноб. А окна вагона открыты: дождь кончился, пассажиры жадно ловят порывы свежего ветра. Кто-то закусывает ароматной ветчиной, наливает из термоса душистый кофе... И новый враг — «Голод» — до судорог в желудке! Конечно, с утра не ел, с собой не прихватил — надеялся к обеду обернуться, но увлекся, и вон как вышло... И, преодолевая холод, он выходит в закрытый тамбур и закуривает, согреваясь дымом и заглушая голод.

Так до бесконечности мы могли бы продолжать цепочку злоключений придуманного нами героя. Но всякий раз неизменным оставалось бы одно: как только менялись окружающие его предлагаемые обстоятельства, так сразу же одно из них оказывало на него активное воздействие, т. е. становилось для него ведущим. Значит, предлагаемые обстоятельства — это все то

многообразии окружающего нас мира, с которым прямо или косвенно мы находимся в постоянной взаимосвязи; **ведущим же предлагаемым обстоятельством является то, которое оказывает на нас активное влияние, вступает с нами в конфликт и вынуждает нас совершать то или иное действие, диктует нам тот или иной поступок.**

Принято считать, что действие определяется событием. Абсолютно верно! Именно событие определяет действие. Тогда следует уточнить, что такое событие и что его определяет? А именно ведущее предлагаемое обстоятельство и определяет событие, и смена его означает и смену события. Напрашивается вывод: значит, ведущее предлагаемое обстоятельство и событие, по существу, одно и то же? — Абсолютно верно! Мы даже называем их для себя, в рабочем порядке, одинаково: «Грибная охота», «Внезапный ливень», «Последняя электричка» и т. д. и т. п. Значит, событие есть некий временной период, когда мы находимся под властью какого-либо ведущего предлагаемого обстоятельства и действуем и поступаем сообразно этому обстоятельству до тех пор, пока оно: а) не исчерпает себя; б) не уступит нам под воздействием наших усилий; в) пока на смену ему не придет новое ведущее предлагаемое обстоятельство.

А ведь как часто событие понимают как происшествие, как что-то разовое, одномоментное, исключая при этом временной фактор, просто сбрасывая его со счетов! Словно забывают, что любое действие требует времени на свое завершение и что всякое событие кратно определенной единице времени — это может быть мгновение, час, месяц, год, жизнь!

Звонок будильника. Утро. Утро нового дня. Что это, событие? Естественно. Вчера — это вчера, а сегодня — это сегодня. Простейшее обстоятельство — звонок! Но будильник определил для нас новое событие и весьма значительное — «Новый день!». Это уже потом, в конце дня, мы машинально заведем будильник — какая мелочь! — и, полусонные уже, будем перебирать в памяти, как нам кажется, важнейшие события дня. А важнейшим событием дня явился этот день. Событие длиной в один день! А сколько было в этот день событий меньшего масштаба? А то и большего, чем этот день? Если именно в этот день вы наконец узнали о своем зачислении в институт, то это обстоятельство определит событие ближайшей пятилетки! А сколько было мелочей, тревожных и счастливых, досадных и не очень? Ну, представьте, вы примчались в институт, нетерпеливо протиснулись к спискам... А вашей фамилии нет! Похожая есть, а вашей нет! Событие не из приятных. И вы идете в приемную комиссию, потом в деканат, потом в ректорат и по истечении получаса, измученные вконец, добиваетесь ответа: машинистка неверно напечатала фамилию. Как говорится, боже упаси! Но ведь полчаса вы посвятили этому обстоятельству, потому что оно было для вас ведущим, т. е. основным событием этого получаса. А разве в течение этого получаса все шло гладко? Не напрасно же мы набросали столь сложный маршрут: приемная комиссия, деканат, ректорат? Значит, существовали дополнительные обстоятельства, определяющие ваше поведение? Естественно! И раз вы изменили свой маршрут под их воздействием, значит, они также играли роль ведущего предлагаемого обстоятельства. Только определяли они события меньшего масштаба. Значит, события бывают разной степени значимости? Безусловно. Не можем же мы все «ведущие» предлагаемые обстоятельства по степени воздействия на нас и по нашим психофизическим затратам на их

преодоление поставить в один ряд! Совершенно очевидно, что все они имеют разную весовую категорию. Мы находимся одновременно, условно говоря, как бы в трех кругах предлагаемых обстоятельств: малом, среднем и большом, которые можно классифицировать как подсознательный, сознательный и над-сознательный.

Мы живем своей сиюминутной жизнью: на что-то реагируем рефлекторно, помимо сознания, иное обстоятельство вызывает у нас соответствующую реакцию в силу уже благоприобретенного опыта, но что-то мы предчувствуем интуитивно. На нас пассивно воздействует огромное множество окружающих обстоятельств. Их так много, что если бы пришлось всякий раз обдумывать свою реакцию на каждое из них, мы навсегда остановились бы, как та сороконожка! Но этого не происходит потому, что мы реагируем практически рефлекторно, подсознательно. Просто ведем себя сообразно этим обстоятельствам, оберегаемые «охранной сигнализацией» своего организма,— невольно задержим дыхание, как только наддавший газу грузовик обдаст нас ядовито-дымным облаком, сбавим шаг у светофора, осторожно нащупаем опору во время гололеда и т. д. Примеры можно продолжать до бесконечности, иными словами, мы живем своей жизнью. Именно поэтому сиюминутную нашу жизнь, наше сиюминутное существование и принято считать малым или микрокругом предлагаемых обстоятельств.

Но разве жизнь только сиюминутна? Только «сейчас», без прошлого и без будущего? Разве дарованная нам **ж и з н ь** вне зависимости от нас не есть ведущее предлагаемое обстоятельство длиною в целую жизнь.

И знаем, что рано или поздно к каждому придет **с м е р т ь**, и тоже независимо от нас. Разумеется, ее можно принять добровольно, насильственно, но это уже иная тема.

И истинная **л ю б о в ь** приходит к человеку независимо от него. Она, как дар божий, дается ему свыше и на всю жизнь. Разделенная она или нет, счастливая или несчастная. Все зависит, как говорится, от судьбы. Но ради любви люди идут и на смерть, и на подвиг! Любовь дарует **новую жизнь, в ней продолжение жизни. Любовь — понятие вечное!**

А разве в е р а не есть еще одно обстоятельство этой же категории **Не только как вероисповедание, а вера как служение идеалу, вера, ради которой шли на костер и на эшафот, вера, которую несли и несут великие личности всех времен и народов. Жанна д'Арк с ее божественной миссией освобождения Франции и протопоп Аввакум, неистовый ревнитель благочестия; Робеспьер с его революцией и Томазо Кампанелла с его «городом солнца»!**

И разве все в мире не подчинено времени?! Миллионы лет идут и будут идти гигантские космические Часы, подчиняя себе все, что есть на Земле и далеко за ее пределами. И сама она — только винтик в этом гигантском часовом механизме. Всевластен Космос! Все от него: приливы и отливы, бури и землетрясения, восходы и закаты... И полная зависимость земной цивилизации.

Всей дерзновенной смелости ума по-прежнему недостает, чтобы постичь космические глубины, масштабы Вселенной... Сам человек — частица микрокосма — также до сих пор непостижим! Вне зависимости от нашего сознания существуют эти вечные истины, существовали и будут существовать. Потому что рождение и смерть, вера и любовь, космос во всем его многообразии — понятия вечные, **и с т и н ы** **н а д с о з н а т е л ь н ы е**! **Именно эти пять понятий Г. А. Товстоногов называл обстоятельствами большого круга всей человеческой жизни! И мы знаем немало литературных произведений, где**

автором исследуется вся человеческая жизнь, «Жизнь Клима Самгина» М. Горького к примеру. Но ведь есть литературные произведения и пьесы, в которых исследуются временные периоды гораздо меньшего масштаба: год, месяц, а то и день! Значит, если есть большой круг и есть малый, то подразумевается, что есть и средний круг? Конечно.

От секунды до вечности — дистанция гигантского масштаба! И что же, все это и есть средний круг? Каковы его границы? Что их определяет и как? Это достаточно просто. Их определяет наш сознательный интерес к исследуемому предмету или объекту. Что нас конкретно интересует? В пределах каких границ мы сознательно очерчиваем этот круг? Если в пределах человеческой жизни, то главным событием станут общеизвестные — родился, учился, работал, женился, воспитывал, выдал замуж, вышел на пенсию... Естественно, если это рассматривать с биографической точки зрения. А если с исторической? Причастность к каким-то историческим событиям, реформам, войнам, социальным революциям. А если с творческой? Когда, сколько, каких трудов издано: написано книг, создано спектаклей, снято кинокартин... Стало быть, мало просто взглянуть на человеческую жизнь, важно обозначить аспект ее изучения, определить объект исследования. А если это не вся человеческая жизнь, а только один день этой жизни? Его тоже можно условно разбить на три круга? Несомненно!

Есть у Солженицына повесть «Один день Ивана Денисовича». Только один день, разбитый на часы и мгновения. И есть в одном этом дне простого зэка события такой значимости и важности, что зависит от них, мягко говоря, не только этот день, а и вся жизнь. Что, разве это не события большого круга? Есть и менее значительные, проходящие — «средняк». И есть поминутно описанная жизнь — его арестантское бытие — «микрокосмос» его обыденной страшной жизни.

Но самое интересное то, что любое из окружающих нас обстоятельств может стать **ведущим предлагаемым обстоятельством любого круга. Кажущееся значительным, иное обстоятельство выходит на поверку пустяком, не заслуживающим внимания. И наоборот, кажущийся пустяк становится иной раз центром Вселенной.**

Г. А. Товстоногов однажды поведал в качестве примера о таком случае. В каком-то из госпиталей по случаю приезда высокого начальства, несмотря на воскресный день, главврач с ассистентами и гость со свитой совершали обход. В одной из палат во время знакомства с очередным больным, с его историей болезни их и застало то самое страшное сообщение по радио о начале войны — в воскресный день 22-го июня. От неожиданности сестра выронила из рук папку с историей болезни. Больной нагнулся, поднял, собрал листы, машинально пробежал глазами свою фамилию и увидел в графе «диагноз» малознакомое и оттого еще более страшное слово загсоюза. Нетрудно представить, какой была его реакция на радиосообщение. Во всяком случае, она явно была отличной *от* других. Потому что ведущим предлагаемым обстоятельством и *настоящий* момент для него стала не война, а смертный приговор. Война еще не смерть. Еще есть надежда выжить, особенно в то время, когда почти все были убеждены, что будут бить врага только на его территории! Ничего

не значащее обстоятельство — листок истории болезни — оказалось с о б ы т и е м б о л ь ш о г о к р у г а ч е л о в е ч е с к о й ж и з н и .

Так, секундная стрелка для спринтера куда важнее часовой, а часовая стрелка для ночного сторожа — куда важнее секундной. Опять-таки дело в том, что для нас является предметом расследования, что будет являться для нас о б ь е к т о м в н и м а н и я .

Условное деление на «круги» потому и условно, что в театральной практике предмет исследования всякий раз строго очерчен рамками пьесы, временными характеристиками произведения. Заметьте, события в «Бесприданнице» А.Н. Островского происходят в течение одних суток; в чеховском «Вишневом саде» — с весны до осени, в общей сложности полгода; в «Чайке» — в течение двух долгих лет, хотя все главные события большого круга в том и в другом случае вместились в несколько часов.

Монодрама свердловского драматурга Л. Балашова «Ленинградка» вмещает в себя целую человеческую жизнь, хотя подзаголовок пьесы гласит: «Всего четыре дня их долгой-долгой жизни». Действительно, в первой картине героине восемнадцать лет. Во второй — двадцать шесть, в третьей — сорок два года, в четвертой — семьдесят! Неплохой диапазон для актрисы! Конечно же, в эти четыре дня совершаются события большого круга. Но каждый день наполнен множеством иных событий, среднего круга, и уж, конечно, существование героини невозможно без тех мелочей и подробностей, которыми полон микромир человеческой жизни.

В сущности, понятия большого, среднего и малого круга для ясности вполне можно представить в виде циферблата, где есть часовая, минутная и секундная стрелки. Можно сказать еще проще: есть круг надсознательной **жизни**, **круг сознательной жизни** и **круг жизни подсознательной**. **От чего-то зависим мы, что-то зависит от нас, что-то мы делаем даже независимо от самих себя. Остается едва ли не самое главное:** научиться их классифицировать, определять категорию, степень значимости.

В театральной практике приняты такие термины, как ф а к т , о ц е н к а ф а к т а , с о б ы т и е . Не стоит искать в них противоречия, все верно. Ведь если определен объект исследования сроком в одни сутки, как в «Бесприданнице» Островского, то все важнейшие обстоятельства этих суток, т. е. обстоятельства большого круга, будут являться с о б ы т и я м и , касающимися всех, без исключения, героев пьесы; обстоятельства среднего круга — ф а к т а м и , а существование героев драмы в малом круге принято называть о р г а н и к о й с у щ е с т в о в а н и я . **Хороший актер удивительно достоверен именно потому, что убедителен в мелочах: он не пропустит мимо своего внимания влетевшую на свет настольной лампы бабочку, обязательно услышит бой часов в одной из дальних комнат, точнее, за кулисами, и проследит, куда упал пепел с папиросы, не забывая вести диалог с партнером и наблюдать за действиями остальных, и при всем при этом превосходно передаст нам и свою тревогу, и озабоченность, и даже трагическую предрешенность развязки.**

Как часто возникают творческие споры в процессе репетиций: «Событие это или нет?». Отстаивают свою позицию горячо, страстно. А предмета спора просто нет! Вернее, есть, но в другом — в недостатке профессиональных знаний. Стоит повнимательнее прочесть сцену, определить, какому именно кругу принадлежит данное обстоятельство — и спор прекратится. К примеру, появление Жевакина в качестве жениха в доме Агафьи Тихоновны в гоголевской «Женитьбе» — естественно, событие большого круга для его конкурентов Яич-

ницы и Анучкина: «Еще один жених!». А вот его реликтовый мундир, которому Жевакин, отставной лейтенант, придает слишком большое значение, для них, естественно, только факт, информация к размышлению. И как только становится очевидным и его «жениховская древность», и бедность, так сразу и возникает вывод Яичницы: «Этот мне не конкурент!». Так, казалось бы, простой факт — ветхий офицерский мундир и автобиографический рассказ его владельца — постепе**нно** выявляет обстоятельство иного круга — его неконкурентоспособность на жениховском поприще! Событие «Жених» приобретает, благодаря оценке факта, противоположное значение.

Рассмотрим рассказ студентки Н. Гусаровой, написанный на заданную тему: «Как может рядовое обстоятельство малого круга стать событием большого круга».

Был погожий воскресный день. Наш сосед, отставной полковник, возвратился из лесу с полной корзиной маслят. Дома его ждала жена Лена и дочка Маша.

Все любят грибы собирать, да еще любят натывать их на вилку. А мыть и готовить — кому нравится? Сосед с порога скомандовал: «Все на кухню! У меня лично до восьми отбой!» Добавил, хитро глядя на Машку: «Как запахнет вкусно—сам проснусь!». Разделся, не торопясь. Сбросил штормовку. Стянул большие резиновые сапоги, из них посыпался мусор — хвоя вперемешку с листьями и колючками. Махнул рукой: а, приберут. Тяжелым шагом пошел в ванную, умылся. Потом лег на диван в гостиной и через минуту захрапел.

Дочка с мамой дотемна возились на кухне с грибами. Все было очень вкусно. И нам досталось тех грибов. Лена всегда чем-нибудь угощала. Пирог испечет — принесет кусочек попробовать. Новое блюдо сготовит — тоже поделится...

Через некоторое время простудилась Машенька. Лена забегала к нам, просила аспирину. Прошла еще неделя, но Маша не поправлялась. Спихватились поздно. Когда ее увозили в больницу, она уже почти не могла говорить, половина лица была парализована. Девочка умерла, не дожив одного дня до своего четырнадцатилетия. Диагноз — клещевой энцефалит.

Через полмесяца полковник застрелился.

А Лена... Жалко Лену.

Рядовые обстоятельства малого круга — такие мелочи, как мусор, хвоя вперемешку с листьями и колючками, да небрежно брошенная штормовка,— явились трагическим событием большого круга, ибо изначально таили в себе опасность! Извечное русское «авось!» в настоящем примере еще более преступно оттого, что у потенциально опасного врага человека — энцефалитного клеща — появился «связной», простодушно принесший смерть «с доставкой на дом». Так невнимание к мелочам порой ведет к серьезным происшествиям и бедам. **И теперь уже пришла пора поговорить о внимании как неотъемлемом элементе нашего взаимодействия с окружающей средой.**

2. ВНИМАНИЕ. ВИДЫ ВНИМАНИЯ

В сущности, что такое внимание? Это наша готовность к реакции на окружающий мир. И реакция всякий раз на удивление разнообразная! Чего-то мы почти не замечаем, чему-то уделяем внимание, чем-то становимся вдруг крайне заинтересованы, а иной объект или явление вдруг поглощает нас целиком. Заметьте, опять разделение сфер влияния! Действительно, наше внимание имеет как бы четыре фазы. Первая из них

Непроизвольное внимание

Мы получаем данные об окружающем нас мире с помощью органов чувств: слышим, видим, осязаем, обоняем, вкушаем,— но воспринимаем все многообразие окружающего мира скорее пассивно. Не можем же мы реагировать на все это великое множество обстоятельств одновременно и одинаково! Хотя и не замечать, не видеть их не можем тоже! Потому-то и существует такая категория, как произвольное внимание. Это вид внимания, позволяющий сохранять ориентацию в окружающем нас мире. Для этого даны нам зрение и слух. А также память. Человек — одно из тех земных существ, которое имеет минимум врожденных рефлекторных навыков. Познание мира для него в основном процесс эмпирический. Падения и ожоги надолго остаются в памяти и приобретают со временем характер условных рефлексов. Следовательно, можно сказать: **непроизвольное внимание — это внимание рефлекторное, иными словами** «охранная сигнализация нашего организма». И тому можно привести великое множество примеров. Но достаточно одного - мы рефлекторно реагируем на любой раздражитель, не говоря уже о произвольном поступке, совершаемом нами в минуту опасности, который мы выполняем абсолютно подсознательно, исключительно благодаря (как говорилось выше) всему осознанно накопленному опыту. Но это не единственный вид внимания.

Произвольное внимание

Произвольное внимание — это внимание, сосредоточенное на каком-либо одном объекте, которое обуславливает наше конкретное поведение в данную единицу времени. Ориентируясь окружающей среде благодаря произвольному вниманию, мы уже произвольно, т. е. сосредоточенно, отбираем из общего числа обстоятельств те, которые требуют от нас незамедлительной реакции.

Произвольное внимание — это своего рода «охранная сигнализация нашего сознания». В расчете именно на эту сознательную реакцию, на это сосредоточенное внимание и рождаются нормы общественного поведения, создаются правила дорожного движения, существует служба информации и т. д., то есть возникает некая знаковая система, организующая нашу повседневную жизнь.

В самом деле, стоит научиться водить автомобиль, чтобы понять, сколько объектов внимания одновременно нужно удерживать водителю, чтобы успешно выполнить намеченный маршрут в забитом транспортными потоками огромном городе! Автомобиль, идущий впереди, идущий сзади, справа, слева, перекресток, трамвай, троллейбус, светофор, панель приборов, педали управления, рычаг переключения передач!.. А еще информационный поток из радиоприемника и указательные знаки, знаки, знаки... Но и это еще не самый сложный вид внимания.

Увлеченное внимание

Увлеченное внимание характеризуется как раз пониженной реакцией самосохранения. Она снижается потому, что увлеченность одним из обстоятельств может быть настолько велика, что как бы приглушает остроту восприятия окружающего мира, притупляет другие органы чувств. Происходит это благодаря еще одному новому качеству внимания — заинтересованности. Действительно, глубоко увлеченного, заинтересовавшегося чем-то, сосредоточенного на чем-то, задумавшегося о

чем-то человека легко застать врасплох. Он словно отключен от внешнего мира!

Трудно обмануть осторожную птицу. Тетерев не подпустит к себе на расстояние ружейного выстрела. Но в момент токования... охотник знает: тетерев глух и слеп! Увлеченность брачными играми напрочь отключает его «охранную сигнализацию». Он становится на редкость уязвимым! Не напрасно образ этакого рассеянного человека кочует по страницам литературных произведений. Увлеченный человек — человек рассеянный. Но именно увлеченное внимание порождает внимание творческое.

Творческое внимание

Творческое внимание — вид внимания, наиболее ценный в любом творческом процессе, ибо он помимо увлеченной заинтересованности включает в работу еще воображение и фантазию. Главным отличительным свойством его является то, что оно обостряет восприятие окружающего мира. Вступая в творческий контакт с одним из обстоятельств, не отключает все остальные, а, напротив, творчески преобразует и аккумулирует их энергию в своем созидательном процессе. Обостренная восприимчивость окружающего мира столь велика, что у художника во время активного творческого процесса словно бы истончается кожа, гипертрофированно обостряются слух и зрение. Соответственно высокому эмоциональному напряжению подчинена вся его нервная система! Нельзя не вспомнить строки Арсения Тарковского:

Найдешь и у пророка слово,
Но слово громче у него,
И ярче краска у слепца,—
Когда отыскан угол зренья
И ты — при вспышке озаренья —
Собой угадан до конца.

«Представьте, каких вершин достижений человеческого гения лишилась бы мировая культура, если бы не мучились, не болели, не воспаряли душой Врубель и Ван-Гог, Гоголь и Достоевский!.. Неужели надо быть сумасшедшим, чтобы достичь таких вершин?! Неужели за все головокружительные взлеты надо обязательно расплачиваться страданиями, тоской и упадком?» — вопрошает автор книги о Тулуз-Лотреке Анри Перрюшо. Теперь о том, что руководит нашим вниманием. Почему мы вынуждены отдавать предпочтение тому или иному явлению или объекту? Почему игнорируем что-то, мимо чего-то проходим равнодушно? Что конкретно изменяет наше внимание?

Смену нашего внимания всякий раз влечет за собой именно смена ведущего предлагаемого обстоятельства! Она вызывает перемену нашего состояния и изменение наших действий и поступков. И, кстати сказать, неважно, в каком круге сменилось обстоятельство — в малом, среднем или большом,— наша реакция будет адекватной каждому из этих обстоятельств в каждом из кругов.

В самом деле, мы привычным жестом раскроем зонт, как только начнется дождь, и при этом нисколько не изменим своих планов зайти на рынок, купить овощей и фруктов, забежать в пару

магазинов и, испытывая крайнее неудобство от того, что зонт нужно то складывать, то раскрывать в беготне по магазинам, мы ничуть не меняем ни наших намерений, ни нашего настроения. Потому что сегодня не просто вечер, а очень важная и, может статься, решающая встреча.

Так обстоятельства малого, среднего и большого круга сплелись воедино, заставляя нас реагировать на них всякий раз, как только изменялись эти обстоятельства. В большом круге внимания одного дня — ожидание встречи с человеком, от которого зависит не только этот день, а может быть, и вся жизнь! В среднем — подготовка вечера — великое множество дел, и в пределах среднего круга дел наиважнейших! В малом круге — досадные неприятности: **ДОЖДЬ, ЗОНТ, отсыревшая прическа, промокшие туфли...** **Всякий раз мы реагируем на них, т. е. вступаем во взаимодействие с ними и, благодаря своим усилиям, успешно преодолеваем их.**

Итог: благодаря нашему вниманию, нашим органам чувств мы успешно ориентируемся в окружающей среде, преодолеваем возникающие препятствия, производим необходимые работы, совершаем определенные поступки, иными словами, субъективно, целесообразно существуем в мире объективной реальности.

3. ОЦЕНКА КАК ПРОЦЕСС

Оценка. Как часто мы употребляем это слово в нашей театральной практике и как мало уделяем ему внимания именно в практической работе. Конечно же, нам приходилось слышать весьма распространенное и крайне упрощенное отношение к этому процессу, выраженное достаточно банально: «Внимание! Оценка! Хорошо! Идем дальше...». Словно оценить — все равно что прицениться: подходит — не подходит. А ведь процесс оценки в нашей жизни практически непрерывен. Уже сама реакция на окружающий нас мир — не что иное, как непрекращающаяся оценка. Именно благодаря ей и происходит тот отбор предлагаемых обстоятельств, с которыми мы вступаем во взаимодействие. Мы видим окружающие нас десятки, сотни обстоятельств, но реагируем, благодаря оценке, на единицы. Рассматриваем витрины магазинов, оглядываем прохожих, читаем рекламные плакаты — все они не проходят мимо нашего сознания, каждому из этих объектов мы уделяем свою часть внимания соответственно определенным интересам, но если нам потребуется перейти улицу, то **объектом нашего внимания прежде всего будет светофор. Потому что переход на противоположную сторону и сигнал светофора станут для нас ведущим предлагаемым обстоятельством. Мы оставим и витрины, и прохожих, и рекламу и перенесем свое внимание на новый конкретный объект — светофор. Можно сказать, мы вступим с ним в конкретные взаимоотношения. И как раньше нас интересовали витрины магазинов, а в них необходимый нам товар соответственно нашему покупательскому спросу, так теперь нас интересует именно зеленый разрешающий сигнал светофора. Следовательно, становится ясно, что первым признаком оценки является перенос внимания.**

Мы сосредоточиваем свое внимание на светофоре. Для чего? А для того, чтобы набрать необходимую информацию. Можно ли перебежать улицу, минуя пешеходный переход? Ни в коем случае! — непрерывный поток машин. Только переход! Светофор горит зеленым, несется транспортный поток, значит, следующий — красный. А до перехода еще шагов тридцать. Надо

успеть, прибавить шагу... зеленый замигал, зажегся желтый! Еще шагов десять... Бежим! И вот зеленый, «пешеходный»! Вступили на «зебру», довольные идем перед самым носом фыркающих от нетерпения четырехлапых властелинов улиц.

Прошла минута времени, но какова напряженность и насыщенность процесса! Сколько задачек нам пришлось решить. Процесс отбора обстоятельств был непрерывным и замечательно активным. Потому, что вторым элементом оценки является набор признаков. Пробежим еще раз эту цепочку.

Так, интересующий нас объект, к примеру магазин, находится на противоположной стороне проспекта — это первый признак.

Впереди пешеходный переход — второй.

И хоть теперь мы как раз напротив магазина, перейти улицу в желаемом месте абсолютно не представляется возможным! — третий признак.

Зеленый сигнал светофора — четвертый.

Простейший расчет времени и расстояние до перехода — пятый.

Желтый сигнал, а до светофора еще шагов десять — шестой, вынуждающий нас ускорить шаг.

Зеленый свет для пешеходов, мы на «зебре» — седьмой; и то, что мы успели к самому началу переходного сигнала, дает нам возможность переходить неторопливо, высокомерно взирая на притихшие машины, наслаждаясь торжеством правопорядка, — восьмой.

Но вот замигал «зеленый, пешеходный», и мы опять подхватили, потому что уже взревели моторы, кончилась наша власть, теперь их время — последний, **высший, девятый признак.**

Но и мы уже на другой стороне улицы. Опять витрины, рекламы, пешеходы и наконец — нужный магазин. Опять смена объекта внимания? Конечно. Что же послужило причиной? **Законченное действие, т. е. переход завершен. И гарантом тому явился последний, девятый — высший — признак!** Процедура перехода позади, у нас к ней теперь совсем иное отношение. Таким образом, можно сформулировать следующее: оценка есть активный действенный процесс отбора обстоятельств, в результате которого одно из этих обстоятельств становится ведущим и к нему устанавливается новое отношение, и, следовательно, новый конфликт, порождающий новое действие.

Оценка включает следующие элементы:

- 1) перенос внимания с одного объекта на другой;
- 2) установление набора признаков;
- 3) установление высшего из них;
- 4) выработку нового отношения к объекту.

Помимо этого стоит усвоить еще и то, что оценки бывают разных типов, а именно — четырех.

Прямая оценка

Прямая оценка — это такой тип оценки, при котором признаки присутствуют, а сам факт пока не установлен. К примеру, сижу дома, работаю за письменным столом. И вдруг замечаю, что будто пахнет газом! Определенно, пахнет газом! — Первый явный признак.

Иду на кухню, проверяю: кран закрыт. Более того, газом тут вообще не пахнет! — Второй признак.

Значит, показалось. Иду в свою комнату, сажусь к столу и понимаю, что напрасно успокоился, совершенно явно пахнет газом. Может быть, из коридора, с лестничной площадки? Выглядываю в коридор, на площадку, принохиваюсь — **ничего подобного!** — Третий признак.

Еще более озадаченный, возвращаюсь в свою комнату, принохиваюсь — пахнет! Может, с улицы, через форточку? Высунул голову — с какой стати? Свежий ветер, ни машин, ни трубы газопровода... — Четвертый признак.

Сажусь за стол и начинаю соображать: может быть, это вовсе и не газ? Быть может, клей, патина на бронзе чернильного прибора, еще какая-нибудь синтетическая «дрянь» вроде поролонового сиденья кресла? Тщательно обнюхиваю и то, и другое, и третье.— Пятый, шестой, седьмой признаки....

И вот он! Источник тревожений — испорченная газовая зажигалка в ящике письменного стола. Я ведь не курю! Откуда-то взялась и дурно пахнет! В форточку ее — не совсем красиво? Зато решительно покончено с этим делом. Установлен высший признак, определено мое конкретное отношение к источнику раздражения и, как следствие, действие, поступок, направленный на устранение данного досадного обстоятельства. Как следует из этого примера, запах газа заставил меня бросить занятие и сменить объект внимания. Таким образом, я выполнил первый элемент оценки: перенос внимания. Затем последовательно я «набирал признаки», пока не добрался до «высшего» из них и, установив новое отношение к «объекту раздражения», совершил определенное действие. В качестве примера можно привести рассказ студентки Н. Гусаровой. Вот каким жизненным опытом поделилась она, исследуя этот вид оценки.

Иммунитет

Никогда не подаю нищим. Уж очень их теперь много. Знаю, что где-то есть бабушка, которой мой «взнос» жизненно необходим. Но как узнать ее среди профессиональных попрошайек? Ну, ладно, бабушка. Не подам я — подаст кто-нибудь другой. А тут — лежит человек. Вокруг ни души. Даже не знаю, жив ли? Пальтишко старенькое, брюки тонкие. Зима. А он лежит на скамейке, будто летом. Шапка, драненькая, рядом валяется. Лицо вроде знакомое,— сосед что ли? Хоть бы не сосед... Мало ли кто шляется? У нас в подъездах часто бомжи ночуют. Напьются, обгадят все, сволочи. И этот — бомж. У него морда небритая... Синюшная... Мертвый, что ли? Нет, дышит,— спит, значит. Может, шапку надеть, замерзнет ведь. Милицию вызвать — телефон далеко, а я в больницу опаздываю. Раньше менты их подбирали, а теперь они валяются на каждом шагу, детей пугают. Хоть бы пришел кто-нибудь... Жалко все-таки.

Сделала шаг, другой. Так и не подошла. Побывала на приеме у врача, возвращаюсь обратно, издали увидела толпу старушек у скамейки. В животе похолодело. Проскользнула мимо, в подъезд. Влетела на этаж, открыла дверь квартиры, еще захлопнуть не успела, а свекровь уже сообщает: «У нас там мужчина умер...». С надеждой почти кричу: «Алкоголик, да?»—«Да нет. Совсем не пил. Сердечник. Присмотреть-то за ним некому было — один жил,— и пошла на кухню, продолжая: — Интересно, кому теперь квартира достанется?» Погромела посудой, появилась в дверном проеме: «А ты чего дверь нараспашку держишь? Не знаешь, какие типы у нас тут шляются?»

В этом рассказе автор достаточно подробно проследил процесс оценки. От конкретного первоначального действия — визита к врачу, ее ведущего предлагаемого обстоятельства, до появления нового, когда она увидела на скамейке лежащего мужчину. Обстоятельство одно из многих. Но!.. Что-то заставило остановиться. Что? Идет набор признаков. Зима. Он без шапки. Шапка на снегу валяется. Ясно — пьяный! Попрошайничают весь день, потом напьются и дрыхнут где попало. Отказ — первый признак.

Но лицо вроде знакомое. Упаси, господи! Хотя бы не сосед - второй признак.

Нет времени, да и кому охота возиться. Но подошла, взгляделась: лицо синюшное, небритое, дышит — спит, паразит! — третий признак.

Милицию! Телефон далеко. Шапку бы надеть — замерзнет. А если кто увидит, что подумают. Теперь у любого пьяного карманы обшарят — четвертый признак.

Да еще, не дай бог, можно на прием опоздать — пятый признак. Ушла. Побывала у врача. Возвращаюсь домой. Толпа старушек у скамейки. Значит, что-то случилось. Старушки пьяниц и бомжей не переносят. А тут столпились — шестой. А дома свекровь с новостями: «мужчина умер» — седьмой. Какой мужчина? Бомж?! — Да нет, сердечник. И мысль, как раскаленный гвоздь: «Ведь он был жив, он еще дышал!» — последний, высший признак.

Этот беспощадный самоанализ — цепочка вроде незаметных внешне действий: выбежала, остановилась, шаг назад, шаг вперед, ушла, спустя какое-то время вернулась, поднялась в квартиру, остановилась на пороге... и в то же время — напряженнейший психофизический процесс. Резко меняется объект внимания. Дорога в поликлинику отходит на второй план. Лежащий человек — на первом плане. И многочисленные признаки оценки: первый, второй, пятый, девятый, и вот он, высший признак — умер! — приводит к зарождению нового к себе отношения и в результате суда совести — самообвинению в невольной сопричастности к смерти. Так с постепенным набором признаков рядовое, казалось бы, обстоятельство, вырастает в событие огромного масштаба, когда высшим признаком оценки оказывается человеческая смерть.

Обратная оценка

Что же тогда обратная оценка? Она — «случай наоборот». Когда факт налицо, а признаки отсутствуют. Отсутствуют признаки того, что данный факт — реальность. Ведь как часто бывают ситуации, что и глазам своим не веришь! Ситуации категории «Не может быть!». И происходят они сплошь и рядом. Возьмем любой журнал или газету, любой отдел курьезов.

Вот, например, цитирую газетную заметку:

«Полиция и общественность города Кале в растерянности: исчез... мост! На автотрассе между городами Кале и Картаго». Факт налицо, но где же признаки? Цитируем дальше: «Предположить, что огромная металлическая конструкция испарилась, сложно. Поэтому приходится констатировать, что мост, вероятно, был кем-то разобран и увезен по частям в неизвестном направлении. Правда, и в это, по мнению специалистов, не очень-то верится: без специального оборудования в таком деле не обойтись. Да и не привлечь к себе внимание проезжающих автомобилистов и местных властей при этом тоже непросто. Ну, а пока полиция гадает: куда же все-таки мог деться мост?»

Как видим, высший признак пока отсутствует. Факт, исчезнувший мост,— реальность, но поверить в это и тем более понять случившееся невозможно. Даже спецотделу полиции. Будем надеяться, ответ найдут рано или поздно.

Еще пример:

Жительница города Месса (штат Аризона), войдя в туалет, открыла крышку унитаза, и вот как она рассказывает о пережитом: «Я на восьмом месяце беременности, и меня охватил такой страх, что роды могли начаться преждевременно».

Из унитаза на нее смотрели, не мигая, два глаза! Полицейские по вызову ехать отказались, но дали телефон местного отделения общества дикой природы Аризоны. Ведь в унитазе оказался двухметровый удав. Попал же он в коттедж женщины, скорее всего, из канализации.

Автор этой заметки все же осторожничает, потому что и ему еще неизвестен высший признак. «Скорее всего, из канализации» — всего лишь предположение, хотя сам факт появления удава — реальность.

Рассмотрим еще один случай. Цитирую заметку целиком.

«Дели. Индиец Нага Наик решил, что ему не нужна левая рука. Хватит и одной правой, подумал он и отхватил сам себе "лишнюю" конечность по самый локоть. По его словам, боли от усекования он не почувствовал и даже сопротивлялся, когда пришедшие в ужас от его поступка родственники заталкивали увечного в полицейский джип, который моментально домчал его до больницы. Блюстители закона раньше что-то слышали о трансплантационной хирургии и прихватили с собой, на всякий случай, обрубок руки Наика, который хирурги собрались тут же пришить на место. Но их пациент... отказался: "Свою руку я пожертвовал в знак благодарности своему духовному ментору гуру Бхам Бхам Бабе, который сделал из меня человека", — заявил 42-летний добровольный калека, чем поверг окружающих в состояние длительного шока».

Тут комментарии излишни. Сам факт — реальность, и высший признак — религиозный фанатизм — объясняют все довольно просто.

Вот каким жизненным наблюдением поделилась еще одна студентка, Г. Кужелева, исследуя обратный тип оценки. Цитирую ее рассказ.

Первое апреля

Заканчивался последний день весенних гастролей. Настроение у всех было приподнятое: гастроли прошли успешно, а главное после спектакля, в ночь на 1 апреля, все поедем домой.

«Товарищи, не забудьте перевести стрелки ваших часов на один час вперед», — с самого утра напоминало радио. После спектакля все дружно перевели свои часы на час вперед. И тут началась путаница. В какое время выезжать на вокзал? По-новому или по-старому прибудет поезд? После долгих споров и вычислений, в которых все окончательно запутались, решили ехать на вокзал на всякий случай заранее, чтобы не рисковать.

Благополучно прибыли на вокзал. Кое-как разместились в маленьком здании. Сами понимаете, актеры, как цыгане, все возят с собой: и вещи, и детей, и собак. Настроение отличное, все-таки 1 апреля наступило! Молодежь начала разыгрывать всех подряд, на их удочку попался даже пожилой актер, у которого с юмором всегда было туго. Но и у него сегодня он откуда-то прорезался. Все включились в игру, и от дружного хохота вздрагивал вокзал и даже стрелки на часах. Выдумки и розыгрыши не истощались, и ожидание поезда прошло незаметно.

Наконец прибыл поезд с опозданием на час, но мы не роптали, т. к. понимали, что для него время идет по-старому. Быстро разместились в вагоне, продолжая подшучивать друг над другом, наконец, угомонились, рано утром поезд прибывает в наш город. Все уснули.

Только молодой актер не стал ложиться спать — ему нужно было выходить в Свердловске. Тишина, постукивают колеса. Сколько прошло времени — не знаю, только слышу сквозь сон голос: «Куда это мы Подъезжаем, интересно? Да нет, это не Свердловск.

Вроде здание вокзала знакомое. Какая же это станция?» И вдруг — дикий крик на весь вагон: «Вставайте скорее! Приехали! Каменск-Уральский!»

Кто-то заворчал спросонья: «Кончай разыгрывать, дай поспать». Наверняка подумали, что опять розыгрыш. Но, как всегда в жизни, находится хоть один человек, который решает проверить, а вдруг — Правда! Кто-то не поленился, встал и посмотрел в окно. Раздался вторичный крик, от которого все вскочили как по команде. И тут началось такое!.. Это трудно поддается описанию, но за одну минуту все были одеты и бросились с вещами, детьми и собакой к выходу. Рекорд подъема и одевания был побит по сравнению с армией. Проходя мимо проводника, каждый успевал на прощание сказать ему все, что у него было в эту минуту на душе.

Только молодой актер, которому нужно было выйти в Свердловске, все пытался понять, куда же делся город?! Ведь всю дорогу он смотрел в окно, чтобы не прозевать! И тут, наконец, наступила та пауза, когда проводник смог, наконец, вставить слово: «Дело в том, что поезд, чтобы наверстать упущенное время, не заходил в Свердловск. Переход на летнее время, сами понимаете!».

Оказывается, все пассажиры на вокзале были предупреждены кассирами, что поезд пойдет по другой ветке, минуя Свердловск. Но мы не знали. У нас-то был один на всех групповой билет до Каменска-Уральского. Первое апреля, одним словом!

Следовательно, если существует факт, но верится в него с трудом, то только в результате набора признаков, подтверждающих его, и установления высшего из них мы признаем факт как саму реальность. Такой тип оценки мы классифицируем как о б р а т н у ю о ц е н к у .

Но рассмотрим ситуацию иного порядка.

Молодая мама уложила спать грудного ребенка. Поздний вечер, но все равно работы — уйма. Надо переглядеть гору белья, пеленок. Устроилась с гладильной доской поближе к малышу, прямо в детской. Работа тихая, только утюг пощелкивает терморегулятором, включаясь, выключаясь. Растет стопка отглаженных пеленок. В кроватке рядом сопит малыш. Но вот он заворчался, захныкал. Рукой машинально качнула кроватку. Одна рука гладит, другая качает. Вроде затих. Перестала качать. Одной рукой много не поработаешь. Прошло время, минут пять, заворчался, опять качать. Но не тут-то было. Ребенок проснулся, заплакал. Выключила утюг, взяла малыша — мокрый. Перепеленала. Уложила — плачет. Взяла на руки — затих. Так и сидит, баюкает. А на стуле ворох недоглаженного белья.

В данном случае у молодой мамы два объекта внимания одновременно. Разумеется, грудной ребенок — обстоятельство важнее, чем пеленки, оно из другого круга. Но он спит. И важнейшим делом для нее сейчас становится его гигиена. В данный момент его пеленки — ведущее предлагаемое обстоятельство другого круга. Но вот он заворчался, захныкал. Перенос внимания.— Первый признак.

Качнула, затих. Перестала качать, опять заворчался.— Второй признак.

Снова качать. Опять затих, снова за пеленки. Проснулся, заплакал. Потрогала — мокрый.— Третий признак.

Перепеленала, уложила, не спит.— Четвертый признак.

И так, и этак — ни за что не спит. Взяла на руки — затих. Заснул. Придется на сегодня закончить работу.— Высший признак. Новое отношение, новое действие.

Как видим, этот тип оценки существенно отличается от первых двух.

И процесс оценки заключается именно в том, что одно ведущее предлагаемое обстоятельство постепенно, в результате набора признаков замещается другим, более значительными. Этот тип оценки классифицируем как оценку вытеснения одного обстоятельства другим.

И наконец, рассмотрим последний случай, когда и факт налицо, и высший признак существует одновременно. Это оценка, процесс которой сжат до единого мига, до одного, мгновения. Бывает, задумался человек, подойдешь к нему, тронешь, вздрогнет, чертыхнется: «Тьфу ты, напугал!» Тут³ тебе и факт, и высший признак сошлись одновременно.

Рассказывал знакомый альпинист.

Идут по гребню. В одной связке. Справа — пропасть, слева — обрыв. Сплошной лед. А есть неписаное правило — сорвался кто-то, не задумываясь, в тот же миг прыгай в противоположную сторону. Воистину, промедление подобно смерти. И вся надежда только на страховку. И на товарищей по связке. Вот так один сорвался, другой промедлил, рванул его страховочный трос, «ушел» он вслед за первым. Тогда из троих оставшихся двое прыгнули вниз, спасая первых. Счастье, что выдержал трос. И что оставшийся вверху действовал умело. Только после всего, рассказывал он, тот, второй, в их группе больше не ходил.

В случае, когда сам факт и высший признак существуют одновременно, оценку можно классифицировать как разовую.

Приходилось читать в военных мемуарах, что для прицеливания и выстрела из башенных танковых орудий требовалась остановка танка. А чем выше скорость танка в бою, тем больше преимуществ перед противником. И представляете, ил всем ходу — раз! — остановка, выстрел и опять — вперед, о постепенном наборе скорости.

Как часто в своей практической работе с актерами и в своей достаточно долгой преподавательской практике встречаюсь с отношением к оценке как к некоторой остановке в действенном процессе. Этаким коротким промежутком времени, в который нужно оценить поступок партнера или некое событие и рвануть дальше. Часто слышу от коллег, что чем подробнее оценка, чем длиннее, тем она значительнее и, следовательно, интереснее. Все верно! Не учитывается только одно и, пожалуй, самое основное, что и в жизни, и в театральной практике оценка вовсе не означает остановку. Отнюдь! Оценка есть действенный процесс! И процесс этот может быть сколь угодно долгим. Причем он вовсе не означает бездействие. Сама оценка и есть действие. Только действие иного рода. Действие, не направленное на решение определенной задачи, а действенный процесс, в котором одно ведущее предлагаемое обстоятельство, следовательно, *событие*, сменяется другим в результате кропотливой работы, начиная от переноса внимания, набора признаков, установления высшего из них и установления нового отношения к новому, теперь уже ведущему предлагаемому обстоятельству и, следовательно, вступление в новое событие.

Возьмем, к примеру, ту же грибную охоту. Дорога в лес, трамвай, электричка, пешком через поле и т. д. — все это цепочка определенных действий и, разумеется, необходимых оценок. Но вот он — лес. И бывалый грибник сразу, по множеству признаков определит, есть в нем грибы или нет. Кажется, вот оно конкретное действие — сбор грибов. Но разве не подменяется оно иным процессом? Бесконечный набор признаков: что это, желтый лист или шляпка гриба? Осторожно пощупать землю, разгрести опавшие листья, и вот он! гриб, высший признак! А там очередной

новый признак — рыхлая листва под сенью хвои — не грузди ли? — и т. д. и т. п. Ну разве не сплошной процесс оценки? И всякий раз как высший признак — новый гриб. Кто собирал, тот знает, какое множество примет у заядлого грибника. Какой активный набор признаков! И в результате — полная корзина. А у другого — пара штук на дне. Почему? А потому что у одного процесс грибной охоты — процесс оценки, у другого действие — сбор грибов. А кто ему их там заранее расставил! Собрать можно ягоды с куста на дачном участке. А в лесу — охота, особенно грибная. Недаром В. Солоухин свою книжку об этом виде спорта назвал «Третья охота».

Смените задачу: «Найти грибы!». И достаточно примитивная задача превратится в увлекательный процесс! Потому что «найти» означает «обнаружить» и в результате набора признаков установить наличие.

Но, предположим, данный пример покажется недостаточно убедительным. Возьмем другой случай. Актер в какой-то сцене произносит страстный монолог. Он нападает, обвиняет, увещевает и т. д., словом, воздействует на своего партнера, выполняя определенную задачу, добивается от него определенного поступка. А что же партнер? Бездействует? Отнюдь. Он потому и молчит, что набирает признаки в процесс оценки, чтобы затем, взвесив их, установить новое отношение к партнеру и ответить. Чем? Контрударом, или, напротив, подчинением — неважно. Важно другое: ответный поступок рождается в процессе оценки.

Мы даже в жизни слушаем партнера с неослабевающим вниманием потому, что находимся в активном творческом! процессе оценки. У нас рождается тот или иной ответ, тот! или иной поступок именно как результат оценки.

Рассмотрим для примера сцену из «Бесприданницы»: действие первое, явление четвертое.
(Кнуров, Вожеватов, Карандышев, Огудалова, Лариса в глубине садится на скамейку у решетки и смотрит в бинокль за Волгу.)

Иван. Василий Данилыч, «Ласточка» подходит.

Вожеватов (Кнурову, сидящему в стороне с газетой). **Мокий Парменыч, «Ласточка» подходит, не угодно ли взглянуть? Мы вниз пойдём, с горы посмотрим.**

Кнуров. Пойдемте. Любопытно. (Встает.)

Огудалова (Вожеватову). **Вася, я доеду на твоей лошади.**

Вожеватов. Поезжайте, только пришлите поскорей! (Подходит к Ларисе и говорит с ней тихо.)

Огудалова (подходит к Кнурову). **Мокий Парменыч, затеяли мы свадьбу, так не поверите, сколько хлопот.**

Кнуров. Да.

Огудалова. И вдруг такие расходы, которых никак нельзя было ожидать... Вот завтра рождение Ларисы, хотелось бы что-нибудь подарить.

Кнуров. Хорошо, я к вам заеду.

Огудалова уходит.

Лариса (Вожеватову). **До свиданья, Вася! Вожеватов и Кнуров уходят. Лариса подходит к Карандышеву. Лариса.** Я сейчас все за Волгу смотрела: как там хорошо, на той стороне!

Поедемте поскорей в деревню!

Карандышев. Вы за Волгу смотрели? А что с вами Вожеватов говорил?

Лариса. Ничего, так — пустяки какие-то. Меня так и манит за Волгу, в лес... (Задумчиво.)

Уедем отсюда!

Карандышев. Однако это странно! Об чем он мог с вами разговаривать?

Лариса » Ах, да об чем бы он ни говорил, что вам за дело!

Карандышев. Называете его Васей. Что за фамильярность с молодым человеком!

Лариса. Мы с малолетства знакомы; еще маленькие играли вместе; ну, я и привыкла.
Карандышев. Вам надо старые привычки бросить. Что за короткость с пустым, глупым мальчиком! Нельзя же терпеть того, что у вас до сих пор было.

Лариса (обида). У нас ничего дурного не было.

Карандышев. Был цыганский табор-с,— вот что было.

Лариса утирает слезы.

Пожалуй, уже достаточно ясно, что в данный момент диалога Ларисой Огудаловой завершен оценочный процесс. Получен высший признак и установлено новое отношение к партнеру. А когда он начался, этот процесс оценки?

Лариса, смотревшая в бинокль за Волгу, сидела одна. Но вот к ней подошел Вожеватов. Буквально на минуту, потому что весь диалог Хариты Игнатьевны и Кнурова состоит всего из четырех фраз. Буквально! О чем говорили Вожеватов с Ларисой, нам неизвестно, но что-то вдруг заставило именно Ларису сказать ему: «До свиданья, Вася!» — и подойти к Карандышеву. Что? Ну, разумеется, явные признаки ревности, которые выказывает всем своим поведением Карандышев. Заметьте, первый разговор с ним начинает Лариса: «Я сейчас за Волгу смотрела...». Начинает явно с извинительными интонациями и плохо скрываемой тревогой. Ведь буквально минуту назад Иван сообщает Вожеватову: «Василий Данилыч, "Ласточка" подходит». После чего Вожеватов и подходит к Ларисе и, по ремарке автора, «говорит с ней тихо». О чем? Что, разве не знает Лариса, что «Ласточка» принадлежит Паратову? И разве Карандышев этого не слышит и не видит? И разве Лариса безмятежно спокойна: «Как там хорошо, на той стороне!»? Разве не тревожным колоколом звучат ее слова: «Поедьте поскорей в деревню!»? Разве отчетливо не слышится в ее словах подтекст: «Увезите меня немедленно отсюда!»? Что отвечает ей внутренне взъерошенный Карандышев? Насмешливым: «Вы за Волгу смотрели?» (что, у меня глаз нет или я глухонемой с рожденья?) — «А о чем с вами Вожеватов говорил?!»

Вона как! Еще только помолвлены, а он уже заявляет свои права! И главное, ничуть не стыдясь, вернее, не понимая даже смысла собственных слов, бросает ей в лицо оскорбление: «Был цыганский табор — вот что было!»

Высший признак! В результате новое отношение к «жениху».

Лариса. Что ж, может быть, и цыганский табор; только в нем было, по крайней мере, весело. Сумеете ли вы дать мне что-нибудь лучше этого табора?

Контрудар? Конечно! И каков! Карандышев, буквально, потерялся, отвечая нечто маловыразительное: «Уж конечно». Что конечно? Что, по крайней мере, был табор или что в нем было весело, или что он сумеет дать нечто лучшее? Но его замешательство только распаляет Ларису.

Разве не достаточно определенно, разве не прямолинейно-откровенно она высказывает свое отношение к Карандышеву?! И его реакция — испуг!

Карандышев. Лариса Дмитриевна, я совсем не хотел обидеть, это я сказал так...

Лариса (обрывая). Что значит «так»? То есть не подумавши? Вы иг ПОИмиств, что в ваших словах обида, так, что ли?

Карандышев. Конечно, я без умыслу.

Лариса. Так это еще хуже. Надо думать, о чем говоришь. Болтайте с другими, если вам нравится, а со мной говорите осторожнее! Каждое слово, которое я сама говорю и которое я слышу, я чувствую. Я сделалась очень чутка и впечатлительна.

Карандышев. В таком случае я прошу извинить меня.

Стоит ли говорить, что не ожидал Карандышев такого поворота! Думается, что он даже предполагать не мог, что она способна на такую резкость! Но кожа ее действительно истончена событиями последних дней. Нервы ее напряжены, И «Ласточка» еще только подходит к пристани, а она, подойдя к решетке, смотрит вниз, и у нее невольно рождается: одержите меня!». Конечно, ее поведение, ее отповедь за его ревность, за его упрек есть высший признак оценки для Карандышева, и у него рождается новое к ней отношение и в результате — извинение за необдуманый поступок.

Так действенный процесс и процесс оценки в диалоге составляет единую неразрывную цепочку, звенья которой оценка - действие — оценка существуют неразрывно! Действует один — оценивает другой, и наоборот. Вот почему партнеры так внимательны друг к другу! Но если, предположительно, процесс оценки одного во время монолога второго не **менять** заранее обдуманным, вернее, надуманным контрдействием, то его реакция на партнера значительно ослабнет, упростится и попросту сведется к нулю. А что?! Ответ готов заранее. Надо только реплики держать! Не этот ли, с позволения сказать, «рационализм» мертвит живейшее из всех искусств — театр!

Как часто в репетициях рождаются совершенно неожиданные поступки, непредсказуемые реакции! И вдруг при повторении они как будто гаснут, блекнут, становятся невыразительными и скучными. Объясняется это очень просто: все ТО, ЧТО родилось на репетиции спонтанно, сиюминутно, было неожиданным для партнеров, и их ответная реакция была для них столь же непредсказуема! А при повторе? Они уже знают, как поступит их партнер, и заранее готовы к ответу. Процесс оценки подменен процессом действия — в самом примитивном значении этого слова, потому что истинно действенный процесс зарождается в результате оценки, и только оценки!

Услышать в десятый раз, как в первый, оценить, установить новое отношение к партнеру и в очередной раз воздействовать на него ответно, сиюминутной реакцией — вот истинный смысл сценических взаимоотношений. И проверяется он самой жизнью. Всякий раз, наперед зная, «что» мы будем делать, мы не знаем только одного: «как?», потому что можем только предполагать ответную реакцию на наш поступок и в зависимости от нее действовать адекватно. Потому что только в процессе оценки рождается новое отношение к явлению, предмету или объекту живой или неживой природы. И, следовательно, возникает очередной конфликт.

Оценка, отношение, конфликт и действие как звенья неразрывной творческой цепочки

Не мешало бы еще раз уточнить, что же такое отношение.

Отношение есть субъективное восприятие какого-либо явления или объекта живой или неживой природы, внешнего или внутреннего мира, вызывающее ассоциативно-эмоциональный ряд чувств, являющееся поводом, причиной и основанием психофизического действия.

Уточним также, что такое действие?

Действие есть единый психофизический процесс, направленный на достижение определенной цели и выраженный определенным образом — одна формулировка. Вторая формулировка — *действие, будучи материалом актерского искусства, является носителем всего, что составляет актерскую игру ибо в действии объединяются в одно неразрывное целое мысль, чувство, воображение и физическое поведение актера. Для действия характерны два признака: 1) волевое происхождение, 2) наличие цели. Цель действия – в стремлении изменить предмет, на который оно направлено, так или иначе переделать его.*

В сущности, ничем особенным эти определения действия не отличаются, не чувствуется разницы в их толковании. А если попробовать уточнить? Ведь по своей сути действие есть *воздействие* на явление, предмет или объект живой или неживой природы с целью изменения либо подчинения.

Понятно, что действуя, мы потому и прилагаем усилия, что надеемся на какой-то результат. И прилагаем усилия, то есть воздействуем, по причине несогласия с чем-то или с кем-то, потому что уже само несогласие есть конфликт. Конфликт же непременно рождает необходимость воздействия на данный предмет или объект. Таким образом, складываются элементы действия. И первый из элементов — *о т н о ш е н и е*, родившееся, как мы уже знаем, в процессе оценки. Но отношение неизменно порождает *к о н ф л и к т*, и как следствие этого конфликта возникает противостояние, противодействие, то есть, иными словами, *в о з д е й с т в и е* на явление, предмет или объект живой или неживой природы с целью их изменения или подчинения.

Для наглядности проследим следующую цепочку. Исходной точкой возьмем некое ведущее предлагаемое обстоятельство, к которому у нас сложилось вполне определенное отношение и, следовательно, неизбежный с ним конфликт. И мы вследствие *явного* с ним несогласия воздействуем на него, стремясь изменить или подчинить его себе, т. е. совершаем действие. Но вот появляется новое предлагаемое обстоятельство. Оно пока не стало для нас ведущим, но уже есть перенос внимания — первый признак начинающейся оценки. Затем один за другим следует набор признаков, в итоге чего возникает как результат высший признак и устанавливается отношение *К* новому, теперь уже ставшему ведущим предлагаемому обстоятельству. А раз возникло отношение, то и — непременно с ним конфликт и как результат — новое действие! Как видим, звенья этой действенной цепочки неразрывны, потому что они являют собой единый творческий процесс.

Остается ответить на один оставшийся вопрос: «А что, отношение действительно всегда и неизменно порождает конфликт? Может, бывает как-то иначе и конфликта можно избежать?» Можно. Но при этом место одного конфликта непременно займет другой! Ведь разве сама попытка избежать конфликта не есть уже конфликт? С самим собой! Вся человеческая жизнь от первого крика и до последнего вздоха — не что иное, как нескончаемая цепь конфликтов! Уже само появление человека на свет — конфликт с новой, чуждой для него окружающей средой, когда его легкие еще не знают и глотка воздуха. И вся его жизнь есть бесконечный процесс познания, в котором каждое обстоятельство этого вечного мира для него будет новым и уже вследствие этого требующим от него усилий на его познание. Конфликт вечен, как сама материя, и вследствие этого извечна наша борьба за свое существование на этой земле.

ДРАМАТУРГИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ И ПЯТЬ ОСНОВНЫХ ЭТАПОВ ЕГО РАЗВИТИЯ КАК ОСНОВА РЕЖИССЕРСКИХ ЗНАНИЙ

Стремясь познать суть какого-либо явления или процесса, мы прежде всего пытаемся рассмотреть его в развитии и в связи с другими явлениями и процессами. Исследуя любой предмет, мы так или иначе стремимся познать его суть, докопаться до «молекулы вещества».

Что есть драматургический конфликт? Вот энциклопедическое определение художественного конфликта: «Противоборство, противоречие, острая борьба противоположных интересов, страстей, стремлений, идей» и т. д., и так как драматургия вовсе не преследует какие-то иные художественные цели и задачи, то именно в драматургии прежде всего «конфликт является средством глубокого и масштабного художественного воспроизведения жизни, динамичного развития сюжета, многостороннего и яркого раскрытия человеческих характеров». Именно в драматургии он проявляется наиболее ярко в собственно драматическом жанре («Мещане» Горького, «Бесприданница» Островского), трагическом («Царь Эдип» Софокла, «Гамлет» Шекспира), сатирическом («Банда*» «Клоп» Маяковского), трагикомическом («Смерть Тарелкина» Сухово-Кобылина) и т. д.

Конфликт есть атомная энергия драматургии, когда вся его расщепленная ядерная мощь рождает действие — основу основ каждой секунды сценического времени! Действие (следует понимать как воздействие) и противодействие (надо понимать как ответную реакцию именно на воздействие) порождают яростные схватки, любовые атаки, затяжную вражду, проявляют хитрость и коварство, рождают интриги и подвиги, поражения и победы... и все это следствие именно (и только одного!) конфликта!

И все-таки, что же такое драматургический конфликт⁴? Можно ли рассмотреть его не просто как формулировку, а подвергнуть анализу с чисто практической точки зрения и если он — молекула вещества, то попробовать разложить ее на «атомы»?

Конфликт — это прежде всего разность отношений, порождающая явное или скрытое столкновение:

- а) одного действующего лица с другим;
- б) одного лица и группы действующих лиц;
- в) одной группировки с другой;
- г) одного действующего лица с окружающими его предлагаемыми обстоятельствами, с вещественной или общественной средой и наоборот;
- д) человека с самим собой, со своим внутренним духовным миром или просто физическим самочувствием.

Именно отношение порождает конфликт. А это уже начало классической, неразрывной в своей логике цепочки. Сценическое действие есть:

- 1) отношение к предмету или объекту живой или неживой природы;
- 2) конфликт с этим предметом или объектом (явное или скрытое несогласие с ним);
- 3) воздействие на этот предмет (объект) с целью его изменения либо подчинения.

Таким образом, давно известная всем, ставшая канонической формула «ДЕЙСТВИЕ есть единый психофизический процесс, направленный на достижение определенной цели и выраженный определенным образом» становится осязаемо понятной! Кии чисто направляем мы свои усилия на поиск действия! На определение действия! Не лучше ли, не проще ли вначале определить именно конфликт? И хотя конфликт и действие — фактически одно нерасторжимое целое,

практическая выгода от этой простой перемены ощутимо значительно, чем может показаться на первый взгляд. Попробуем рассмотреть это на простейшем примере.

В комнате находится несколько человек. Чем больше, тем лучше для нашего примера. Итак, в комнате, где находится до десятка человек, обнаружена пропажа денег. Сумма довольно значительная. Никто не отлучался из комнаты. Вот и все. Попробуйте определить действие (задачу) каждому находящемуся в этой комнате. Задача, мягко говоря, не из легких, да и не совсем благодарная для учителя. Не проще ли уточнить конфликт, бросить «зерно раздора», углубить! его и дать волю воображению каждого исполнителя этого этюда!

В самом деле, раз есть *пропажа*, значит, существует *подозрение*. А ведь оно может звучать даже как обвинение в краже! И все. Дайте возможность каждому защищаться! Отстаивать свою честь, свою непричастность; нападая, отражая чью-то атаку, упрекая, стыдя, обвиняя ответно, самоустраняясь и т. д. и т. п. Каждый из участвующих решит для себя эту задачу легко, произвольно, исходя из своей психофизической природы, своих убеждений, нравственных критериев и пр. Каждый определит свое действие *индивидуально!*

Еще один пример. Человек и его лицо. В чем же может состоять конфликт? И тем не менее ежедневная утренняя процедура требует от любой женщины немало сил и времени, чтобы с помощью косметики прийти наконец к очередному (в который раз временному) соглашению с ним! «Я» и «мое» лицо! О сколько явного несогласия у меня с моим лицом! Одно лишь ежедневное бритье!.. А остальное прочее...

Все эти конфликты и конфликтики мучают нас ежесекундно. Заставляют нас бороться, преодолевать, совершать действия и поступки, т. е. дей-ство-вать!

Звонок будильника! А так хочется спать! — Конфликт! Преодолеть себя, подняться, совершить десятки необходимых утренних действий и улечься в неуловимое стремительное утреннее время!.. Успеть!

Второй звонок! Телефонный! Это совсем некстати! Идут последние минуты! А там опять уйдет автобус, опять опоздание на работу – а голос в трубке не торопится! Третий звонок! В дверь! Спасительный! Пришли из Горгаза. Не могут застать уже третий день. Грозятся отключить газ по всему дому! А тут уж соседи...

Четвертый звонок. На работу. «Опять опаздываю...» А ведь только вчера решили и постановили...

Может быть, в этом примере сгущены краски и несколько накалены обстоятельства, но ради наглядности... Хотя в простом, привычном до физиологических рефлексов ежедневном ритуале просыпания, умывания, одевания, работы, добывания еды столько разных, вернее, разнообразных конфликтов, что нередко они складываются в главный конфликт человека с сегодняшним днем. Не нами сказано: «Бытие определяет сознание!».

Даже на этих простых примерах без труда можно различить три типа конфликтов.

1. «Я» и «я» — внутриличностный.
2. «Я» и «он(а)» — межличностный.
3. «Я» и «среда» — (общественная или вещественная) — надличностный.

Обособленно каждый из этих типов конфликтов, как правило, не существует, как не существует и действий чисто физических или чисто психических, а составляют они одно целое —

психофизическое действие. Так и конфликт, развивающийся во времени и предлагаемых обстоятельствах, бесконечно разнообразен.

Раскольников! Острейший надличностный конфликт — его положение в обществе — спровоцировал в нем сложный конфликт внутриличностный: «Тварь я дрожащая или право имею?», который выливается в межличностный и кульминацией которого становится убийство. Снова внутриличностный — страх и совесть и межличностный — с Порфирием, позднее с Заключенными в остроге. При этом острота социального конфликта не снижается ни на мгновение.

Но конфликт не следует понимать лишь как столкновение диаметрально противоположных точек зрения. Он прежде всего не «между кем-то и кем-то», он — «в чем». И причина его лежит на стыке двух явлений, соотносительных друг с другом, причина — в области социальных, нравственных, бытовых и т. д. до бесконечности интересов воюющих сторон.

Таким образом, если мы рассматриваем конфликт как столкновение, мы должны обнаружить причину разногласий сторон, т. е. *первопричину главного конфликта*, его причинно-следственную связь. Познавая ее, мы познаем едва ли не самое существенное в драматургическом произведении. Процесс познания неминуемо заставит нас обратиться ко времени написания пьесы, изучению той эпохи, социального, общественного обустройства и быта, в котором разворачивается действие пьесы.

В самом деле, ведь именно экономические, социальные, духовные, моральные или какие-то иные явления общественной жизни заставили автора взяться за перо. И он, шаг за шагом продираясь сквозь тернии, с исследовательской дотошностью пытается докопаться до причины разногласий враждующих сторон.

1. ИСХОДНОЕ СОБЫТИЕ

Казалось бы, что общего в государственном устройстве России конца XIX века и трагической судьбе «Бесприданницы» Ларисы Огудаловой? Но стоит вникнуть в истоки взаимоотношений Ларисы, Паратова, Карандышева, Кнурова, Вожеватова и остальных участников этой драмы, как становится ясно, что именно социальное неравенство героев является первопричиной всех их действий, их поступков. Имущие и неимущие.

Казалось бы, чисто экономические понятия преломляются в категориях социальных, нравственных, духовных: человек-вещь, с одной стороны, и человек-покупатель — с другой.

Два человека по всему глубоко не безразличные друг другу, стоят на разных ступеньках социальной лестницы. Следовательно, люди с различными нравственными и духовными запросами, с разным личностным потенциалом! И какою бы мы не предполагали их жизнь (их взаимоотношения, предшествующие пьесе), мы прежде всего должны отчетливо представлять себе, что именно в *социальном положении личности* кроется *первопричина* их, Ларисы и Паратова, конфликта. Социальное неравенство - вот исходное событие «Бесприданницы». (Г. А. Товстоногов считал, что 99 % пьес мирового репертуара зиждется на социальной почве! Что же тогда 1 %? — То самое исключение, что подтверждает правила!)

Дотошность изучения времени написания пьесы, т. е. среды человеческих взаимоотношений различных социальных групп и классов, сталкивающихся в ней, установление конфликта и его первопричины и будет исходным событием пьесы и спектакля, которое чаще всего принято называть «исходящими обстоятельствами». Но если договориться сразу, что главное не в том, как

называть, а в том, что иметь при этом в виду[то для логики изложения нас устроит больше термин «исходное событие».

Попробуем для примера рассмотреть еще одну драматическую ситуацию, но уже дней недавних, следовательно, ситуацию, более доступную нам по своей информатике, личным жизненным наблюдениям. Рассмотрим с этих позиций драматическую повесть нашего современника, писателя-сибиряка Валентина Распутина «Последний срок».

Повесть начинается словами «.. старуха умирала» и заканчивается столь же лаконично и беспощадно: «Ночью старуха умерла». Между этими двумя фразами только три дня. Целых три дня напряженных драматических событий, поднимающихся в отдельных сценах до трагического звучания! Как понять этот мир, как разобраться в мешанине человеческих взаимоотношений и найти главное?

Неплохие, в сущности, люди — дети старухи Анны: Варвара, Илья, Люся, Михаил, самая младшая Таньчора... Разбросала их жизнь по белому свету, угнала из родного гнезда. Остался один Михаил с женою Надей и дочкой Нинкой. Верный сын старой матери на отцовском подворье. Живет тут с детских лет, всякого знает. Родной человек, в родной деревне. Отчего же тогда так настораживают слова: «Только два покосившиеся столба остались от ворот — все четыре стороны открыты настезь... окна осели, превратились в оконца, чтобы пройти через дверь, приходилось нагибать голову... неоштукатуренные стены выпучивались белеными бревнами... крыльцо покосилось, доски встали торчком, и Михаил, запинаясь, всякий раз чертыхался...».

Ведь живет здесь, в родной деревне! Семей! Однако сгоревшую баню так и не удосужился срубить заново... Куда там! Крыльцо починить не может! Почему? Грызет, грызет какая-то боль автора повести, Валентина Распутина. О чем это он? Не об умирании ли сибирской деревни? Русской... российской. .. советской... современной — не в том суть! Уми-ра-ет!! (Как старуха Анна. Не она ли и есть истинный образ русской деревни?!) Умирает, как отмирает навечно ее христианская простота и совесть, ее извечная крестьянская забота о земле и извечная ей, земле, народная преданность и служение... Умирает оттого, что покинута детьми ее... А покинута оттого, что разграблена, изгажена, заброшена. Вначале леспромхоз все окрест вырубил, людей разобшил, пристрастил к длинному рублю, оторвал от крестьянского труда, сделал варварами, пришельцами на родной земле. Потом объединение колхозов — еще одно разорение. Перегнали оставшийся скот в чужие конюшни, что было доброго — увезли, остальное бросили. Поля еще года два кое-как пахали, а потом и их забросили... нерентабельно! Вот и весь приговор Можно сказать: «Отмирание деревни». Можно сказать жестче: «Убийство!».

И что делать теперь в том богом забытом месте нормальному человеку? Какими жить перспективами? Производства нет. Колхоза нет. Леспромхоз после себя одни пни оставил... Где работать? А Нинка подрастет — где учиться? Школы нет. Чего дожидаться? Зачем баню рубить?!«.. .Вспомни, как раньше жили... все вместе переносили — и плохое, и хорошее... а теперь каждый по себе... свои уехали, чужие понаехали. Я теперь в родной деревне многих не знаю, кто они такие есть. Вроде и сам чужой стал, в незнакомую местность переселился...» — в этом горьком признании Михаила закономерный итог беспощадного разорительства.

Но ведь живет же тут Михаил! Подрабатывает сезонно в сплавной конторе, баржи грузит. Значит, какой-то интерес есть, что-то его тут держит? Да. Мать. И как это ни страшно звучит, какой бы беспощадной горечью ни отдавали эти слова, но ждет он, Михаил.. . с м е р т и **матери. Чтобы тоже уехать. Как до него уехали все. Как это ни жестоко (а жестокость**

продиктована самой жизнью), но все съехавшиеся сюда по телеграмме дети старухи Анны дожидаются ее смерти. Можно сказать, тайком и искренне желают ее. Чтобы все — «как у людей». И также искренне недоумевают и теряются, когда вдруг она умирать «передумала». Ибо само ее «оживление» еще больше обостряет конфликт! Уже и черное траурное платье сшито, и водка на поминки закуплена, и отпускных только три денечка, «по телеграмме»!.. Потому и скажет Михаил прямодушно: «... А я те вот что скажу, Илья, лучше бы она сейчас померла. Самое время: все собрались, приготовились... Вот вы уедете, она маленько еще побудет и... Опять я должен буду вам телеграммы отбивать, а у вас уже нет того настроения... Кто, может приедет, а кто и нет. И выйдет все в десять раз хуже...».

Михаил, святая душа, желание свое выражает прямо. Да, впрочем, и все остальные... Не высказанное в словах, но яснее ясного выраженное в поступках и Варвары, и Ильи, и Люси... и старухи Мирониhi... и самой старухи Анны: «Господи, пошли к мне смерть мою, я готовая!..» — оно абсолютно понятно: желание смерти! У-ми-ра-ни-е. Разрушение рода. Отмирание корней крестьянской деревни, вот — исходное событие.

Исходное событие — первый этап в цепи развития конфликта. Оно лежит далеко за пределами пьесы, произведения. Изучение всех обстоятельств жизни тех людей является для нас задачей наиважнейшей! Именно изучение их жизни, обстоятельств, им сопутствующих, позволит нам не только достоверно проанализировать и обнаружить цепь событий пьесы, но и найти самые горячие точки соприкосновения с днем сегодняшним!

Правильно определить исходное событие — это значит уж предугадать идею пьесы! Это значит обнаружить главный конфликт, то есть определить борьбу, противоборство действующих сил, а следовательно, и сквозное действие пьесы и будущего спектакля. Ибо в этом смысле они нерасторжимы, ибо все сходится в этой исходной точке, точнее, исходит из нее!

2. ПРЕДШЕСТВУЮЩЕЕ СОБЫТИЕ

Но любой конфликт до поры до времени скрыт и как минимум требуется повод для его обострения и последующего проявления. Он похож на тлеющие угли под слоем золы и пепла. Надо, чтобы кто-то расшевелил их, обеспечил доступ кислорода. Тогда они начнут разгораться снова, все больше набирая жар, пока не вспыхнут огнем. Антагонистически относящиеся друг к другу, скрытно враждующие стороны могут существовать сколько угодно во времени, пока не возникнет повод для обострения конфликта, для открытого их столкновения. Сколько помнит себя род человеческий, столько же существуют Верность и Предательство, Любовь и Ненависть, Бедность и Богатство, Рабство и Владычество... Но до поры до времени они словно спят. Как потенциально опасная болезнь, затаившаяся в микробе, они живут и ждут своего часа. Ждут благоприятного момента для того, чтобы вырваться на волю и возбудить очаг болезни, разжечь огонь, обострить конфликт... Таким образом, повод для обострения конфликта и означает предшествующее событие пьесы.

Рассмотрим это на конкретном примере, обратившись все к той же повести Распутина «Последний срок». «.. Она долго пересиливала себя и держалась на ногах, но три года назад, оставшись совсем без силенок, сдалась и слегла... В этот раз все шло к

тому, что старухе не перезимовать... Она уже не пила, не ела, а только спала... Когда окончательно стало ясно, что старуха не сегодня завтра отойдет, Михаил пошел на почту и отбил брату и сестрам телеграммы — чтоб приезжали» — так ясно и определенно автор повести ведет нас к осознанию того, что наступил для старухи Анны ее «последний срок». И как следствие — событие «Телеграмма». А, может быть, сказать точнее — «Похороны».

Ведь приехали-то все они на похороны! И именно «похоронка» собрала сегодня за одним столом детей старухи Анны — гостей в родной деревне... Оторвала их от своих привычных дел и забот, кинула в билетные кассы, в переполненные автобусы, пароходы... Собрала. «И вот теперь они сидели и разговаривали за длинным столом, сколоченным их покойным отцом лет пятьдесят назад...

— Татьяна наша сегодня уже не приедет,— сказал Михаил.—Ждать не будем.

— Сегодня не на чем больше, ага,— согласился Илья.— Если вчера получила телеграмму, сегодня на самолет, а в городе пересадка. Может, сейчас в районе сидит, а машины на ночь не идут — ага.

— Или в городе.

— Завтра будет.

— Завтра обязательно.

— Если завтра, то успеет.

Михаил на правах хозяина первый поднял рюмку:

— Давайте. За встречу надо.

- А чокаться-то можно ли? — испугалась Варвара.

— Можно, можно, мы не на поминках.

— Не говорите так.

— А теперь говори, не говори...»

Что это — только встреча через много долгих лет в родном доме, за семейным столом? Или это нечто большее, продиктованное обстоятельством, как мы уже сказали, чрезвычайным — телеграммой? Да. И именно «Поминки». Иначе как же отразить, вернее, как выразить, какой найти сценический эквивалент той самой страшной телеграмме, тень которой накрыла своим черным крылом и этот вечер, и печальное это застолье? Главная задача режиссера прежде всего в том, чтобы так определить, таким точным словом выразить предшествующее событие, чтобы оно стало активным манком творческому воображению артистов. Чтобы они могли его играть еще до поднятия занавеса, хорошо зная и чувствуя всю глубину драматического конфликта.

«Поминки» — именно так в данном случае лучше всего назвать п р е д ш е с т в у ю щ е е событие. «Поминки по уходящему» — вот что должен будет понять, скорее всего, даже еще не поняв, почувствовать зритель.

Вот так и будут они сидеть и разговаривать во власти постигшей их беды, легонько переругиваясь, оправдываясь друг перед другом, всемерно чувствуя теперь всю грешную вину свою. Хочется, ой как хочется, отпущения грехов! Да отпустить их уже некому. Недвижима лежит на смертном одре их мать...

А жизнь есть жизнь! И бесстыдно шьет Люся (при живой-то матери!) свое черное траурное платье, и закупают водку на поминки мужики, и привычно хлопчет по хозяйству Надя... А утром!.. Вот уж не ждали, так не ждали! Увидав своих ребят, старуха

стала оживать...» — с беспощадной прямоотой скажет автор и еще раз с трагической силой напомним нам главный конфликт: жизнь матери — в ее детях.

Пока они с нею, ей не умирать, ей жить хочется! А с нею они только три дня — трехдневный отпуск на похороны — их *последний срок*. Вот и вся альтернатива!

Но как услышала мать возвращение детей своих?! Как почувствовала?! Умирающим своим материнским сердцем, уже почти что с того света, почувствовала!! И возвратилась тоже.

Произошло *начальное событие*, которое можно назвать «Возвращение».

3. НАЧАЛЬНОЕ СОБЫТИЕ

Состоялось *начальное событие*. Воистину, для зрителя оно — начало интриги! Приехали мать хоронить, а она, оказывается, жить собралась! Приехал Паратов вроде парохода продавать, а первый визит — Ларисе Огудаловой!

Потому что предшествующим событием для Ларисы и Паратова, в том числе и для всех действующих лиц «Бесприданницы», поводом для обострения конфликта явилась помолвка Ларисы и Карандышева. Именно она заставляет Паратова под видом продажи парохода мчаться туда на всех парах, ибо как только эта весть становится ему известной, глубоко скрываемая страсть к Ларисе (причин этой страсти много, и не они сегодня предмет разговора) вспыхивает с новой силой! Конфликт разгорается. Ведь понимает же Паратов, что пропасть между ним и ею! Но страсть! Пока она жива, конфликт неугасим! Более того, он развивается, он разрастается и вширь, и вглубь! Он уже понятен всем героям пьесы. Но он пока еще скрыт для читателя (зрителя). Еще не произошло его публичное обнаружение. Еще Паратов говорит, что приехал для продажи парохода и только! И Вожеватов, и Кнуров, и слуга в трактире — все ждут первого его, Паратова, поступка. Ждут первого его «прокола». Все понимают, но молчат! И вот он! Паратов первый же свой визит наносит Огудаловой! Все! Банк объявлен! Мы получили подтверждение своим догадкам! Паратов себя раскрыл! Вот оно—начальное событие — первое *публичное обнаружение* конфликта! Первое его проявление!

Тлеющие угли сделали свое дело — теперь уже загорелись дрова. Мы уже заинтригованы сюжетом. Нам уже интересно» а что же впереди? Мы уже получили тот манок, который ведет нас дальше. Мы еще не все понимаем, но догадываемся о многом. С момента начального события спектакля возникает к нему активный зрительский интерес. Все, что до этого,— только экспозиция. Только информация. В больших дозах она утомляет. Чем ближе к началу спектакля начальное Событие, тем выше интерес к спектаклю со стороны зрителя. Надо заметить также, что исходное и предшествующее события лежат вне пределов пьесы и спектакля. Они происходят задолго до открытия занавеса и прорвутся еще не скоро. Поэтому особое значение приобретает начальное событие.

Теперь мы поведем его вперед, следуя поворотам и хитросплетениям сюжета, к тому самому мигу, когда вдруг прорвется с открытой силой вся тайная война одних с другими. Когда герои сбросят маски и назовут всех и вся своими именами! Когда исчезнет даже сам подтекст и все заговорят в полный голос. Когда мы, читатели и зрители, вдруг увидим и поймем главный *конфликт* пьесы! Обнаружим скрытую цель каждого *из* ее героев. Случится, правда, это еще не скоро. Много еще произойдет событий, по нашей

терминологии — второстепенных, пока мы с предельной ясностью не осознаем, кто есть кто. Когда тайное станет явным. Когда наступит момент обнародования истинных, подлинных причин конфликта, момент, когда борьба враждующих сторон станет опасно обнаженной. Это и будет *главное событие*.

4. ГЛАВНОЕ СОБЫТИЕ

Страшную, скорее, даже жестокую картину суда собственной совести рисует автор «Последнего срока». Понимают, ах как понимают все, что их, детей, приезд вернул к жизни старуху-мать! И жила она только ими! Последними их денечками в родном доме, под родной крышей. И что уходят те денечки, тают быстрехонько, не удержишь, не угонишься!.. И заливают свой стыд перед матерью: мужики — водкой, Люся — своей, не к месту обострившейся, заботливой требовательностью, категоричностью. Варвара — своей простоватой суетливостью, от которой больше шума, чем дела... А мать уже и ноги с кровати спустила, сидит! «... Того и гляди побежит!..» И надо уезжать. Надо! Зреет нарыв, копится исподволь невольное раздражение и давняя глупая, злая обида друг на друга. «Все в город уехали, все свою жизнь обустроили. Один я тут при матери...» — думает Михаил. Копит свою обиду. Люся, ей и детей Бог не дал, и живет одна. Сохнет зеленая веточка на сухом дереве... У Ильи совсем не сложилось. Таньчора так и не приехала... У всех свои обиды, свои оправдания, своя боль. И случится, неминуемо случится момент, когда все это тайно бродившее, назревающее разом хлынет, как кровь горлом!..

Вот оно — главное событие. Уже не властен разум над чувствами. Нет больше дыма от костра — одно всепожирающее пламя! Так, главная забота — поддерживать огонь — сменилась на противоположную — сдержать пожар!

Прямо и беспощадно рубит Михаил всю правду: «... А что?! Может, кто из вас заберет ее, а! Давайте. Забирайте. Корову отдам тому, кто заберет. Ну? Что же вы? Корову отдам. Кто из вас больше всех любит мать? Забирайте! Я тут такой-сякой, а вы тут все хорошие. Ну, кто из вас лучше всех? Ты, что ли? — шагнул он к Люсе.—Ты повезешь к себе мать? Ты будешь за ней ходить? А корову продашь — деньги будут. Матери много не надо — видишь, она почти не ест. Ей коровы выше головы хватит. Ей твоя справедливость нужна. Ты ж у нас самая справедливая, все знаешь. Знаешь, как содержать мать, чтобы ей было распрекрасно. Будешь ей чистые простынки подстилать, лекции читать. Забирай ее скорей, чтобы кто-нибудь не опередил,— что ты стоишь?

— С ума ты сошел! Ты сумасшедший! Я с ума сошел — все ясно. А матери нельзя находиться с сумасшедшими. Тогда, может, ты ее заберешь, Варвара? Уж тебе-то корова никак не помешает. Ну, соглашайся, соглашайся — что ты молчишь?

— Дак, у нас жить негде, у нас Сонька сызнова прибавку ждет. Я бы взяла.

— Жить, говоришь, негде? И корову, значит, поставить тоже негде?

— Нет, корову есть где. В стайке.

— Корову есть где, а мать негде! Мать в стайку не поместишь — вот она,— он показал на Люсю,— лет через пять или десять приедет и скажет, что это выходит за всякие рамки. А я ей подвою. Да я и не позволю, чтобы мать в стайке жила. Мне тоже надо, чтобы она находилась по-человечески. Тогда, может, ты, Илья? Как ты на это смотришь? Может,

тебе забрать нашу мать? Увезешь ее к своей бабе, та будет за ней ухаживать. А то ты все на работе, да на работе, ей там не с кем ласковым словом перекинуться. А мать у нас, сам видишь, бессловесная, она для нее сгодится. После меня она там отдохнет у вас.

— Ты перепил, Михаил,— сказал Илья,—ты сам не понимаешь, что делаешь,— ага. -

— Неужели ты не понимаешь, что маму сейчас трогать никуда нельзя! — крикнула Люся.

— Значит, никто не желает? — Михаил крутанулся на месте и еще раз обвел всех сумасшедшими глазами.— Никто! И корова никому не нужна. Тогда, может, без коровы? Тоже нет? Ясно.— Он набрал в легкие воздуха и, сглатывая застрявший в горле комок, просипел:

- Тогда идите вы все от меня знаете куда... И не говорите мне, что я такой да разэтакой, не лайте на меня. А ты, мать... — он повернулся к матери, шагнул, запнулся, неловко завалился на колени, уткнулся лицом в кровать.—Ты, мать, ложись, где лежала. Так-то они тебя больше любят, когда ты здесь лежишь! — встал и бросился в дверь, обернулся затравленно.— Понимать надо!»

Это, безусловно, самая продолжительная цитата в нашем разговоре, без каких-либо дополнительных слов, абсолютно совершенно по своему содержанию и по форме раскрывает читателю главное событие повести. Его можно назвать «Отречение». Только ли от матери? И теперь ли только оно произошло? Может быть, много раньше? Еще тогда, когда уехали, состоялось их отречение от своей деревни? Своей земли...

Своего рода, призванного извечно жить на этой земле? Не зря, наверное, скажет умирающая мать, старуха Анна:«.. .Господи! Я не сердюсь на них, нет. Кто мне позволит сердце на них держать? Они потом сами с себя на десять рядов спросят. Что мне на них жалиться? Может, я боле всех сама виноватая?..». Нет, не судит мать детей своих! Даже теперь всю вину их пытается взять на себя! «Господи, прости их, спаси и помилуй!..» Вот оно — извечное русское милосердие!

Таким образом, *главное событие* — это открытое столкновение конфликтующих сторон, можно сказать, лобовая атака враждующих сил, когда их слова, действия и поступки проявляются совершенно открыто и в подавляющем большинстве случаев без подтекста. *Главное событие* — это полное и всестороннее проявление главного конфликта!

Вернемся еще раз в связи с этим положением к нашему первому примеру.

Лариса Дмитриевна — предмет раздора. Человек-вещь. В окружении потенциальных «покупателей» — Кнурова, Вожеватова, по-своему Паратова — она уже полупринадлежит Карандышеву. С какой честолюбивой гордостью он демонстрирует свою власть над нею! С какой невероятной страстью лезет из грязи в князи! В третьем действии пьесы, сцене «Обед», он упоительно чванлив и дерзок уже потому только, что он — обладатель сокровища! Пойди перекупи! Что для него сегодня Кнуров со своими миллионами, что ему Паратов, Вожеватов?! *Он* помолвлен с Ларисой! Но... Он на минуту забыл, что «вещь» имеет ноги. Что она — Человек! Взяла да и махнула за Волгу. Все с тем же. И с теми же. Ушла, не попрощавшись...

Тщательно подготовленное автором событие произошло. Главное событие — в конце 3-го действия пьесы — «Бегство за Волгу». Сработали тайные пружины конфликта. Интрига

вскрыта. Теперь нам остается следить за поединком: кто кого? Кто победит, а кто сломается? Кто разрешит конфликт и как? Сумеет ли Паратов, преодолевая себя, сойти со своей ступеньки и подняться на иную, нравственную высоту? Сумеет ли и отстоит ли себя Лариса? Сумеет ли Карандышев постичь, что избранное им средство самоутверждения порочно и унижительно.

Борьба становится все откровеннее, все беспощадней. В ней проскакивают уже откровенно-циничные интонации, и наконец наступает момент разрешения конфликта. А разрешением конфликта может быть только: а) капитуляция одной из конфликтующих сторон; б) ликвидация одной из конфликтующих сторон; в) появление нового, более значительного, ведущего предлагаемого обстоятельства.

Лариса погибает. Что это? Освобождение? Или коллективное убийство? Может быть, нечто третье? То, что, безусловно, лежит в содержании пьесы и что наиболее полно выразит идею постановщика?

Но так или иначе, все выжжено дотла. Больше нечему гореть. И некому, и не зачем поддерживать огонь. Нет теперь больше прямого столкновения Паратова с Карандышевым, Кнурова с Вожеватовым... На данном этапе борьба завершена. С гибелью Ларисы наступило...

5. КУЛЬМИНАЦИОННОЕ СОБЫТИЕ

Последнее событие спектакля. Пора закрывать занавес. То же самое произойдет в финале и в нашем следующем примере.

Наступил третий день — день отъезда. И что всем до того, что их старая мать, из последних сил выбравшаяся на улицу, чтобы поторопить смерть, «больше всего напоминает свечку, которую вынесли на солнце и где она никому не нужна». Будут торопливо собираться восвояси Люся и Варвара, и Илья... Стыдливо отводя глаза, будет хлопотать, помогая их недолгим сборам, Надя... Будет трезветь от недобрых мыслей Михаил... Басовито прокричит пароходный гудок — и прервет и без того неловкое прощание... И уедут, как приехали, родные — ставшие совсем чужими — дети старухи Анны... Можно подумать, — все. Вот оно — последнее событие — «Бегство». Но... «...Ночью старуха умерла!» — лаконично заключает автор. Закономерно предположить — развязка. Нет! Именно «кульминационное» событие! «Покаяние»! Еще лучше — «Запоздалое покаяние». Тихо будет причитать в финале Надя: «Ты, лебедушка моя, родима матушка...». Да будут сотрясать рыдания плечи Михаила. «...Мать... Лежи, мать, и ни о чем не думай... Не сердись на меня... Дурак я... Ох, какой я дурак!.. Мама... Мамынька!..»

Итак, подводя итог, можно утверждать:

— любое противоречие, любой конфликт невозможен без причины, его порождающей, — *исходного события*;

— любому обострению или открытому проявлению разногласий как минимум требуется повод — *предшествующее событие*;

— даже имея повод, воюющие стороны находятся в позиции выжидания: «кто первый?», дабы отвести от себя вину первого открытого удара — *начальное событие*;

— неминуемое столкновение, открытая и беспощадная борьба вскрывает истинную причину конфликта (начинается этап борьбы без масок) — *главное событие*;

— наступающий за этим пик борьбы ведет к разрешению противоречий и далее к развязке — *кульминационному событию*.

В качестве примера рассмотрим несколько студенческих работ по событийному анализу.

Работа студентки II курса Е. Борисовой

И. С. Тургенев

Нищий

Я проходил по улице... меня остановил нищий, дряхлый старик. Воспаленные, слезливые глаза, посинелые губы, шершавые лохмотья, нечистые раны...

О, как безобразно обглодала бедность это нечистое существо!

Он протягивал мне красную, опухшую грязную руку... ни кошелька, ни часов, ни даже платка...

Я ничего не взял с собою.

А нищий ждал... и протянутая его рука слабо колыхалась и вздрагивала. Потерянный, смущенный, я крепко пожал эту грязную, трепетную руку... «Не взыщи, брат, нет у меня ничего, брат».

Нищий уставил на меня свои воспаленные глаза; его синие губы усмехнулись — и он в свою очередь стиснул мои похолодевшие пальцы.

— **Что ж, брат,** — прошамкал он, — и на том спасибо. — Это тоже подаяние, брат.

— **Я** понял, что и я получил подаяние от моего брата.

Событийный анализ рассказа

Если брать данный рассказ как законченное драматическое произведение, то его конфликтом является духовная пропасть, порожденная социальной средой.

Пришли в этот мир люди — плотью и кровью равные перед жизнью. И должны были быть братьями, живущими единой родной семьей. Но разорвала социальная среда, разбросала на разные полосы и обезчеловечила. Один о бесчеловечен пресыщенностью. Другой — нищетой. «Обезчеловеченность» — исходное событие.

Сталкиваются они на жизненном пути, и один из них доведен до крайности — он с протянутой рукой. «Рука молящего» — предшествующее событие.

И останавливается богатый, и хотел бы он откупиться от нищего. Ведь подаяние нищему — есть искупление грехов, но нечем ему их выкупить. «Несостоявшийся ритуал, или Греховный отказ» — начальное событие.

И попросил богатый нищего считать подаянием протянутую по-братски руку. «Покаяние» — главное событие.

И понял нищий, что протянутая ему рука — тоже рука молящего, и принял ее как подаяние, и отпустил грехи. «Отпущение грехов» — кульминационное событие.

Работа студента II курса Ю. Лахина

Федор Абрамов

Кому-то и робить надо

Запоздалая весна, запоздалый сев. С радостью, с крестьянским волнением вглядываюсь в свежевспаханное, лоснящееся от влаги поле, в березовый перелесок, в который скрывается

пашня. Вдруг оттуда, со стороны перелеска, доносится тонюсенький, веселый голосок, который так не вяжется с содержанием песни:

**Сижу на карточке гадаю, Сама себя я веселю. Но я довольно понимаю,
Что разлюбил меня милой, Что разлюбил меня неверный, Навек
оставил сиротой...**

Проходит каких-то две-три минуты, и из низины, из-за гребня поднимается рыжая лошадка с бороной, а на лошадке — белобрысенькая девчушка. Босиком, с березовой вицей в руке.

— Здравствуй! — машу ей рукой.

— Здравствуй.

— Кто же тебя научил петь такие песни?

— Никто. Сама научилась. Мама говорит: пой, Анка, веселее будет.

— А ты учишься?

— Отучилась. Восемь классов выходила.

— И больше не будешь?

— Не, все братья ученые, мама говорит: кому-то и робить надо. И тут девчушка огрела лошадку и поехала дальше, затянув какую-то

новую, незнакомую мне песню.

Событийный анализ рассказа Тип конфликта — межличностный.

Что-то случилось с деревней. Умирать она стала. Скучной и тяжелой показалась жизнь деревенским. И потянулся вереницей крестьянский люд в город на легкое тамошнее жилье. «Бегство из деревни» — исходное событие.

В числе первых уехал и наш герой. И лишь через много лет вернулся он в родной дом. Но вернулся сюда как гость, лишь погостить. «Гость в родном доме» — предшествующее событие.

И радуется его крестьянская душа. Ходит, смотрит и узнает места, где родился и вырос. И березовому перелеску, и свежевспаханному полю. Жива его деревенька. Умиротворение, радость и гармония на его душе. Но вдруг в эту гармонию врезается детский веселый голосок, который не вяжется с содержанием песни. И уж совсем разрушается гармония, когда видит он на лошадке, запряженной в борону, белобрысенькую девчонку. «Девчуша-подросток за мужицкой работой» — начальное событие. Досадным показалось гостю это зрелище, и решил он пожурить, поучить девчонку уму-разуму. «Урок» — главное событие.

Но несостоятельным оказался его урок, весело отмахнулась Анка от совести гостя, выбрала Анка себе путь в жизни. Именно тот трудный путь, от которого когда-то отказался наш герой. «Ответный урок: кому-то и робить надо» — кульминационное событие.

Главный конфликт: человек и долг перед родной землей.

В продолжение своей статьи я предлагаю читателю практические работы студентов по анализу главного конфликта и определению событийного ряда собственных рассказов. Подчеркиваю, именно собственных драматических новелл, домашних заготовок к будущим этюдам. Рассказы даны в авторском изложении с той лишь оговоркой, что все они еще в рукописном варианте были зачитаны в аудитории и подвергнуты анализу и,

разумеется, критике, после чего дорабатывались авторами и предстают теперь в своем законченном виде.

Курсовая работа студента I курса М. Новикова

Дуэт

На трубе сидел кот. Трудно было определить, какого он цвета. Часть его туловища была совсем лысой, только кое-где торчали клочки опаленной шерсти. Бельма его зрачков застыли в немом ожидании. И когда снизу хрипло доносилось — «топни громче, мой милой, да топни другой...», кот чутко поводил усами и радостно подхватывал — о-о-о-ой. А снизу со стоном вырывалось — «выйди, милка, выйди в круг...». Кот начинал яростно барабанить лапой по трубе, подвывая — у-у-у-уг!.. Внизу слышался скрежет открываемой фляги и булькающие жадные глотки. И вновь воздух пронзал ухарский, залихватский голос — «...эх, раздайся, народ, моя милка в пляс идет!..»

Кот из своего прошлого сытого далека помнил этот голос, только голос был чище, светлее, задорнее. И рядом с этим голосом возникал еще один, совсем тоненький, ласковый, баюкающий...

Загрелась и покатила по кирпичам пустая фляга. Загрубевшая Рука сняла кота с трубы и засунула в мешок. Кот не сопротивлялся, ему было спокойно и уютно в мешке, к тому же он снова услышал знакомый голос — «...топни громче, мой милой, да притопни другой...», и

В такт песне чавкали по пепелищу скрипучие костыли.

Событийный анализ рассказа

Рассмотрим его как законченное драматическое произведение (имея в виду исключительно только условие задачи).

Все было... Был дом, семья, уют... Было село, деревня... наверное, были тысячи людей, сотни котов... была жизнь! Но накатила, налетела, обрушилась железом и огнем... ВОИНА — исходное событие.

Пришел солдат с фронта, вернулся в родную деревню... родной дом... А вместо дома — пепел и зола... «Возвращение на пепелище» — предшествующее событие.

Тихо вокруг. И жутко от этой тишины!.. Не кладбище, не погребение — крематорий!.. невольно тянется рука к солдатской фляге. И вдруг... «Последняя родная душа — кот на трубе» — начальное событие.

«...И пил солдат из медной кружки вино с печалью пополам...» «Реквием погорельцам» — главное событие.

Но живому — жить! И надо все начинать сначала. «Переселенцы» — кульминационное событие.

Курсовая работа студента В. Новикова

Конец октября. Было сыро и неприятно. Вернулся Василий после трехдневной поездки по области. Жил он тогда в частном доме, занимал его половину, в две комнаты. Отопление печное. Рядом с домом находился дровяник, где, кроме дров, была всякая рухлядь и старая одежда, пришедшая в негодность.

Необходимо протопить печь. Вася набросил старый пиджачок, в котором всегда ходил за дровами, и вышел на улицу.

Смеркалось. Последнее время дверь дровяника не запиралась, была перекошена, ремонтировать не было нужды — должны были снести.

Вошел в дровяник. Темно, глаза не привыкли еще. На ощупь из начатой поленицы стал выбирать полена потоньше. Вдруг вздох. Вася от неожиданности даже вздрогнул и резко повернулся в сторону вздоха. Прислушался. В углу кто-то тихо посапывал. Вася стал быстро соображать, что такое в углу могло быть. Взял в правую руку поудобнее полено на изготовку, вдруг придется защищаться, и не очень громко спросил:

— Кто здесь?

Получилось как-то угрожающе. Посапывание прекратилось.

— Кто здесь, черт возьми?!

Что-то метнулось к двери. Василий неожиданно для себя бросил дрова с левой руки и преградил бежавшему дорогу. Схватились за грудки. Противник явно был слабее. Вася даже подумал, что это паренек, так он был легок, хоть ростом были одинаковы. Вася потащил его к свету, который лился из окна дома. Перед ним был худощавый мужчина средних лет с седой щетиной.

— Ты что тут делаешь?

— Мужчина молчал.

— Я тебя спрашиваю! Чего тебе тут надо? Тоня! Тоня!! Зови милицию! Я тут бандита поймал! (Василий не был женат, жил один.)

— Вдруг не удар, а тычок пришелся прямо в скулу Васе.

Вася сдвинул мужику горло прямо лацканами его потрепанного пальтишка.

— Отпусти! — выдавил из себя незнакомец.

— Чего тут делал? Сейчас в милицию сдам...

— Отпусти, больно же. Пусти, гад!

— Я тебя сейчас отпущу, я тебя сдам, ворюга!..

Мужчина стал вырываться, Вася держал его крепко. Потом мужик как-то ослаб и вообще перестал сопротивляться, затих.

— Отпусти, ну что я тебе сделал? И начал канючить.

— Проваливай. Ну... иди! Уходи!

Мужчина продолжал стоять. Потом медленно побрел прочь.

— Стой! Ладно, до утра можешь оставаться, но чтоб утром я тебя не видел.

Василий подобрал дрова и вошел в дом.

Через несколько минут вышел снова с фонарем и свертком в руках, направился к сараю.

В сарае никого не было. В углу было сооружено что-то вроде лежанки, ящик был превращен в стол. Василий чертыхнулся и направился к дому. Внутри, где-то у сердца, было неуютно. Ночь спал плохо.

Схема построения этюда

1. Придумать сюжет.

Например: Сарай. Человек пришел за дровами, находит там спящего человека. Хозяин пытается выгнать незнакомца, но тому негде жить. Хозяин сарая разрешает переночевать, но бомж уходит.

2. Этюд должен в себе содержать все основные события: исходное, предшествующее, начальное, главное, кульминационное.

3. Организовать место действия и оправдать его.

Начнем с определения событий.

Человеку негде жить, он ночует в сарае незнакомому ему человека. Что это за явление? Это бродяги, бомжи. Это люди, которые в силу тех или иных обстоятельств потеряли прописку, жилье, не могут устроиться на работу. Это либо отбывшие срок, либо инвалиды, которых соседи выживают — или, точнее, выжили с принадлежащей им жилой

площади, и т. п. Мы знаем, что исходное событие — это причинно-следственная связь любого конфликта. Значит, исходное событие в приведенном примере можно сформулировать так: несоблюдение конституционных прав человека.

Человек имеет право на жилье, на труд. Если нет жилья, нет прописки, нельзя устроиться на работу. Нет места работы — никто не пропишет. Замкнутый круг. Бомж выбрал сарай.

Исполнителю необходимо будет отвечать на ряд вопросов: как он дошел до такой жизни? почему он выбрал именно этот сарай? что с ним было до того, как он стал жить в этом сарае? и т. д. Ответить нужно и еще на ряд вопросов, которые будут возникать в момент подготовки этюда.

Далее необходимо выяснить предшествующее событие, т. е. повод для обострения исходного события, конфликта.

Бомж спокойно бы проспал и эту ночь, но хозяину сарая нужно протопить печь. Значит, холодный дом является предшествующим событием. Исполнителю хозяина тоже необходимо ответить на ряд вопросов:

— почему именно сейчас необходимо протопить печь?
— что он делал последнее время до того, как пришел в сарай, чем будет заниматься дальше?

— где работает, кем, каков состав семьи? И т. д. Обоим исполнителям необходимо определить время года, суток и т. д. Далее — начальное событие — первое открытое столкновение противодействующих сил. Открытое столкновение — в сарае незнакомец. Эти два человека друг о друге еще ничего не знают. Хозяин не знает, что там за человек, с какой целью забрался в сарай. Бомж не знает, что предпримет хозяин. Напряженный * отрезок времени (иногда называют пристройкой). Далее необходимо определить главное событие — первое лобовое столкновение противодействующих сил. ...Хозяин пытается выгнать незнакомца, но тому негде жить. Вот здесь главное событие (негде жить — бомж). Главное событие тесно связано с исходным. Как поступить хозяину? Перед ним несчастный. Хозяин сарая решает оставить бомжа на ночлег. Это разрешение противоречий, а мы знаем, что разрешение противоречий есть кульминационное событие.

После того как определен событийный ряд и мы ответили на поставленные вопросы, приступаем к осуществлению этюда. Надо организовать место действия, а именно обозначить признаки сарая:

определить размеры площадки,
разобрать вещи, вышедшие из употребления, какие обычно выносят в сарай, это могут быть порванная, сломанная с одной стороны раскладушка (бомж ее приспособил для ночлега), старые резиновые сапоги и т. п. Поленицу дров трудно будет создать. Вместо этого можно использовать ящик с углем или торфом в брикетах.

Полена для растопки нужно «хозяину» настрогать.

После этого можно попробовать сыграть этюд.

Курсовая работа студента I курса Ю. Зырянова

Каша
(Воспитательный момент)

Пацан с большими голубыми глазами сидит перед тарелкой с манной кашей. Вчера давали греночки. Они были золотисто-желтые, теплые и пахли свежим хлебом и еще чем-то теплым и вкусным. А это на тарелке ничем не пахло, зябко подрагивало и даже на вид было голубовато-холодным. Пацан осторожно отодвинул тарелку и, стараясь не смотреть по сторонам, стал отщипывать кусочки хлеба и сосать их, прижмуриваясь. Скоро завтрак кончится, и их поведут строем во двор, где они разбегутся до самого обеда, и можно будет даже полизать горько-сладкий сок, слезящийся из чуть растрескавшейся кожи молодого клена, растущего на самом краю территории у высокого темно-зеленого забора.

— А это что такое? Почему мы не кушаем? Все дети уже скушали кашку, один ты остался,— раздался голос воспитательницы где-то высоко над головой. Он не любил, когда с ним разговаривали, как с маленьким, но возразить было нечего — все действительно уже поели и ушли умываться.

— Ну-ка, давай: за маму... — ложка с противно сползающей с нее кашей приблизилась к лицу. Он попытался отвернуться, но та настойчиво следовала за губами, размазывая белую липкую жижу по лицу.

— Не хочу... — он попытался убежать, но крепкая рука прижала его к стульчику, а ложка уперлась в стиснутые зубы. Пацан рванулся, выдернул руку и отбил ложку. Каша разбрызгалась по лицу и халату воспитательницы.

— Ты пришел в наш сад и будешь делать что положено. Как все,— еле сдерживаясь, отчеканила воспитательница.

— НЕ БУДУ!

— Зина, ну-ка помоги... — уже две воспитательницы, навалившись на стульчик, пытались удержать этот яростно отбивающийся упругий мячик.

От бессилья и ярости пацан разревелся. И тотчас ложка продралась сквозь зубы, которые он, спохватившись, снова сцепил, как волчонок капкан на лапе. И как волчонок, мотал головой, пытаясь перекусить алюминий, а каша стекала в горло, вызывая рвоту, и кашель, и стыд, и ненависть.

Воспитательницы, испугавшись, отпустили его на минуту, обтерли полотенцем его красное дрожащее лицо и приготовились к новому штурму.

Пацан сидел расслабленный. Только его голубые глаза были сосредоточенно закрыты, а его пухлые губы превратились в узкую белую щель.

Теперь он знал, что плакать нельзя, что нужно беречь силы и кусаться, чтобы победить.

Событийный анализ рассказа

Исходное событие—появление маленького человека, свободолюбивого, с фантазией и чувством собственного достоинства, в обществе, где индивидуальные отличия не являются ценностью большей, чем чувство ложно понятого коллективизма и всеобщего равенства. Конфликт между индивидуальностью и представителем «массы». Исходное событие можно обозначить словом «Обезличка».

Предшествующее событие — конфликт обостряется воспитательной системой, ориентированной на насильственное стирание индивидуальных особенностей — «не хочешь — заставим» (строем на прогулку, свобода «от забора до обеда» и т.д.). Событие можно обозначить словом «Режим».

Начальное событие — первое проявление главного конфликта — отказ от каши, который расценивается воспитательницей как отказ подчиняться общим правилам. Назовем его «Не хочу, как все». Главное событие — открытое столкновение между воспитанником и группой воспитателей, личностью и представителями коллектива. Насильственное и

показательное кормление. «Будешь как все!» Как видим, совпадает с исходным событием.

Кульминационное событие — осознание необходимости борьбы за личную свободу. Событие назовем «Рождение свободного человека».

Курсовая работа студентки I курса С. Берсеновой

То, что они станут мужем и женой, было решено еще два года назад их родителями. Таня и Андрей приняли это как само собой разумеющееся. Так было удобно всем, не просто удобно, а денежно, комфортно и надежно. Уикенд перед свадьбой они решили провести вдвоем, на природе. Андрей прихватил ружье. Таня бросила на заднее сиденье фотоаппарат, и новенький джип рванул с места.

Озеро окружал небольшой лесок. Предчувствуя зиму, голые деревья жались друг к другу на ветру. С хрустом лопались под ногами замерзшие лужицы, пролетал редкий снег.

Молодая косуля выпорхнула на тонкий лед озера, пролетела несколько шагов, вдруг замерла, прислушалась. Лед проломился, и животное оказалось в воде. Выбираясь, косуля отчаянно долбила копытами лед. Таня с Андреем подоспели вовремя. С помощью веревки им удалось вытащить ее на берег.

Косуля лежала, тяжело дыша и отфыркиваясь.

— Красавица! — сказал Андрей, скидывая ружье...

Шкуру определили возле камина. Она прекрасно гармонировала с облицовкой новой гостиной. А на камин поставили фотографию: Андрей опирается ногой на трофей и широко улыбается. Удачный снимок.

Событийный анализ рассказа Исходное событие — гипотрофия души. Гипотрофия души отдельных имущих людей сегодня становится нормой и эталоном для общества. Обездушивание масс ведет к вырождению не только духовному, но и физическому, так как человек находится в постоянном взаимодействии с окружающим его миром. Духовная гипотрофия нарушает равновесие существующих систем, вызывает дисгармонию. Ответным шагом природы может стать уничтожение человека.

Предшествующее событие — смакование собственного достатка. Духовное обнищание приводит к сотворению ложных кумиров. У современного общества появился новый идол — достаток, блеск, богатство. Люди получают удовольствие от демонстрации своего материального превосходства. Подобное самовознесение извращает вечные понятия Любви, Добра, Истины.

Начальное событие — инстинктивная первобытная сопряженность с природой.

Инстинкт сосуществования порой пробуждается независимо от нашего сознания.

Первобытная сопряженность с природой пробуждает в человеке милосердие, так как человек изначально созвучен всему живому.

Главное событие — самовознесение, порождающее алчность. Состоятельность, ставшая вседозволенностью, делает человека хищником. Избавитель становится извергом.

Кульминационное событие — утрата совести, бездуховность. «Совесть — весть от Бога» (Н. Рерих). Существование вне духовных заповедей — бездуховность. Уничтожение связи с Создателем — самоуничтожение.

Курсовая работа студента I курса Игоря Сун-Цви-Тю

Черномазый

Казарма готовилась к приезду комиссии. Везде наводили порядок. Ахмету достался умывальник.

— Ахмет, давай я тебе помогу,— рядом стоял Сашка, его земляк, вместе призывались.

— Не надо, иди, я сам.

— Чего ты? Вместе же быстрее.

— Ну что, чурка, долго еще здесь будешь возиться? — в умывальник зашли трое.

— Что молчишь, язык проглотил? Или тебе вера не позволяет с нами общаться?

— Нет, я могу.

Тогда почисти мне сапоги, черномазый.

Ахмет опустил голову.

— Не буду.

—Что?! Удовольствию троих, казалось, не было границ. Ты их сейчас облизывать будешь!

Длинный схватил Ахмета за волосы, нагнул к сапогам. Ахмет сопротивлялся. Тогда те двое стали его бить. Били жестоко, с наслаждением. Уходя, длинный бросил Сашке:

— А ты смотри и делай выводы. Ахмет лежал, уткнувшись в кафель.

— Вставай, умойся,— Сашка потянул его за плечо и осекся, увидев его искаженное лицо и побелевшие глаза.

— Ненавижу, всех ненавижу!

Событийный анализ рассказа

В нашей стране в настоящее время идет страшная, бессмысленная борьба между нациями. Льется кровь, гибнут люди. Исходное событие — национализм.

Армия создает благодатную почву для жестокой расправы с людьми, особенно с сослуживцами из Средней Азии, с Кавказа. Предшествующее событие — иноверец. Тупая сила нацистов приходит в ярость, встречая сопротивление. И горе тому, кто вступится за гонимого. Начальное событие — сопротивление.

Нацисты берегут свой клан, постоянно подпитывают его, используя жестокие приемы. Главное событие — жестокий урок.

Но зло порождает только зло. Ненависть порождает ненависть. Кульминационное событие — цепная реакция.

Курсовая работа студентки I курса Э. Матвеевой

За гранью

Заканчивался родительский день. Шумная компания ребят возвращалась домой. Идти предстояло через кладбище. Дойдя примерно до середины, Юрка остановился:

— Слышите?

Неподалеку кто-то плакал.

Ребята свернули с центральной тропинки. Пробираясь между могилки было жутковато. Но вот, наконец, ребята увидели женщину, которая лежала на могиле, обняла холмик двумя руками, лицом уткнулась в рыхлую землю. Молодые люди стояли и молча взирали на неряшливо одетую женщину, которая не обращала внимания на них. Она продолжала причитать, мотая головой из стороны в сторону.

— Здесь кто-то из ваших родителей похоронен? — не выдержал Юрка.

Женщина не отвечала, продолжая рыдать. Молчание становилось тягостным.

— Может быть, Вам помочь?

Женщина резко приподнялась, уставившись тупым взором на молодежь, и, грязно выругавшись, еле выговаривая слова, так как язык не хотел ее слушаться, прошипела:

— Дураки! Я папиро-о-оску где-то здесь потеряла. Найти не могу. Суки, водку оставляют на помин души, а папироски нет. Суки!

И опять принялась завывать во весь голос. Ребята переглянулись.

Кто-то хихикнул:

— Во, набралась!

— Пошли отсюда. Женщина перестала выть:

— Сыночки, дайте папирочку!

Юрка залез в карман, достал пачку сигарет. Швырнул.

— На! И вали отсюда!

Дальше шли молча. Почему-то всем было стыдно...

Событийный анализ рассказа Исходное событие — социалистический строй, отвергнув веру в Бога, позволил самой слабой части населения отказаться от морально-этических норм жизни. Ничего святого не осталось. Наступило моральное разложение личности. Д е г р а д а ц и я .

Предшествующее событие — Родительский день. Все люди идут на кладбище чтить память родных и близких. Один из самых светлых религиозных праздников. О с т а т к и в е р ы .

Начальное событие — плач в ночи. Кому-то плохо, необходимо помочь. Молодым ребятам не чуждо чувство сострадания. Преодолевая страх, испытывая определенные неудобства, они пошли на голос. Бездушно, негуманно оставлять человека в беде.

Христианская заповедь.

Главное событие — оборотень. Из беспомощного, оставшегося один на один со своим горем человека (в глазах ребят) эта женщина превращается в низкое, падшее существо, которому глубоко наплевать на святая святых — память об умерших.

Кульминация — ребята лицом к лицу столкнулись с грехопадением. На их глазах разрушается неприкосновенный «храм веры», отчего им становится не по себе. Стыдно стало не за эту женщину, а за человека вообще. Идеал ЧЕЛОВЕКА рухнул. К р у ш е н и е и д е а л о в .

Курсовая работа студентки I курса Я. Кашеевой

Утренник закончился, и я иду разгримировываться. А в гримерке меня уже ждет Юрка — мой сын-первоклассник. Сегодня он похож на нахохлившегося воробья. Значит, опять что-то случилось.

— Ну, выкладывай.

Он молча протягивает мне альбомный листок. Боже, ведь это же я, рыжий парик, полосатые штаны и веселая клоунская улыбка. Сейчас, еще в гриме, я словно смотрюсь в зеркало. А в углу листка отметка — двойка.

— Юра, а почему два?

— Не знаю. Велели нарисовать маму, я и нарисовал.

— Ладно. Бог с ней, с двойкой. А за рисунок спасибо, очень похоже,— говорю я, а про себя решаю завтра же сходить в школу и поговорить с учительницей. Она опытный педагог, больше двадцати лет с детьми. Наверное, они с Юркой друг друга просто не поняли.

И тут Юра говорит:

— Мам, наклонись. Я хочу у тебя что-то спросить. По секрету.

— Ну, спрашивай.

— А правда, что в театре работают...делибы... беди... деби... — он не может вспомнить незнакомое слово. А я не имею права сказать ему, что «этих» — дебилов — хватает везде. **Я**

перевожу разговор на другую тему. Юрка, что его не отругали за двойку, убегает носиться по театру.

Назавтра я иду к директору школы и перевожу сына в другой класс. Сейчас у него все в порядке, но в школу я не хожу, Боюсь, не смогу сдержаться, если вдруг встречу его первую учительницу.

Событийный анализ рассказа Ребенок, приходя в школу, попадает в новую среду с незнакомыми нормами взаимоотношений и переживает психологическую ломку. Школа, выросшая на советской идеологии, пытается уравнивать всех. Противостоять этому может только сильная, независимая личность. Ребенок, не приспособленный к жизни и не наученный сопротивляться, автоматически превращается в неудачника. И часто это клеймо человек проносит через всю жизнь. Советская школа — устаревшая, но живучая система, формирующая серую, безликую массу общества. Исходное событие — «Совок».

В классе оказывается ребенок, не привыкший ходить строем и не скрывающий свои чувства и мысли. И совсем не в силу сознательного бунта против коллектива, а просто потому, что не умеет жить иначе, он становится «белой вороной». Предшествующее событие — «Белая ворона».

Нежелание педагога задуматься, почему ребенок поступает так, а не иначе, неприятие самого понятия «детская творческая индивидуальность» приводит к появлению у ребенка страха за свои поступки и — как следствие — комплекса неполноценности и плохой успеваемости. Начальное событие — «Двойка».

Косность мышления, отсутствие педагогического чутья и элементарного такта позволяют взрослому человеку и педагогу унижать ребенка, наивно полагая, что дети не поймут смысла происходящего конфликта. Главное событие — «Унижение».

Нельзя допустить, чтобы идиотизм педагога разрушил личность ребенка и навеки повесил на него клеймо неудачника. Ребенка надо спасать. Кульминационное событие — «Отставка» (педагогу).

Курсовая работа студентки I курса Е. Воронович

Капкан

Прошел месяц с тех пор, как Сергей приехал домой. В первые дни Марию не покидала тревога за него. Но дни шли, ничего плохого с ним не случилось, и она успокоилась.

Сегодня они пойдут к маме. За последние три года мама впервые разрешила Марии прийти вместе с мужем. Сборы были недолгими, оставалось только зайти в садик за Алешкой.

Они уже подошли к лифту, и вдруг Сергей: «Вот черт, сигареты забыл. Маша, подожди меня во дворе. Я быстро».

Мария ждала. Она хотела выйти из подъезда вместе с мужем.

Столько лет соседи смотрели на нее с сочувствием. Пусть теперь посмотрят. У них тоже все может быть хорошо. Сергей задержался.

— Сережа, ты скоро? — Мария приоткрыла дверь.

Сергей сидел на кухне скорчившись, уткнувшись лицом в стену...

— Что с тобой? — Мария бросилась к мужу.

— Ничего. Пройдет. Печень.

— Господи, да что же это! Что они там кололи тебе? Подожди, я сейчас принесу что-нибудь.

Когда она вернулась, он уже стоял, хотя держался за бок, слегка постанывая.

— Выпей это. Сергей отворачивался.

— Я «скорую» вызову.

— Ты что! — он резко обернулся.

Мария ощутила его дыхание и все поняла. Он засуетился.

— Ну что, пошли?

— Я никуда не пойду.

— Ну и правильно. Сходим к маме в выходной день. А я сгоняю к Сашке, обещал ему телевизор отремонтировать. Я быстро.

Мария позвонила маме. Попросила забрать Алешку из садика. На глаза попалась Алешкина рубашонка. Хотела пришить пуговичку, уколола палец. Бросила шитье, прижала рубашонку к груди и заплакала. Тихо, почти беззвучно. Но этот плач был страшнее крика.

Событийный анализ рассказа

Исходное событие — алкоголизм.

Предшествующее событие — жажда.

Начальное событие — срыв.

Главное событие — синдром.

Кульминационное событие — утрата.